18+

Татьяна Саранцева

Не ходи ва-банк в раю

Том I

Татьяна Саранцева

Не ходи ва-банк в раю. Том I

«Издательские решения»

Саранцева Т.

Не ходи ва-банк в раю. Том I / Т. Саранцева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644344-0

Историческое, приключенческое фэнтези с суждениями о смыслах бытия. Героиня — разумная Вселенная. Принимая образ богини, ввергает в испытания страстью, любовью, изменой, утратой близких, борьбой за жизнь двух божеств из исчезнувшего мира, существовавшего до рождения Вселенной. Карает в огне инквизиции, а затем на Небесах и Атланта, который, после смерти, управлял несколькими галактиками, но совратив сестру Вселенной, решил потягаться и с Богом. Прорвавшись на нашу планету, стал творить ужасное…

ISBN 978-5-00-644344-0

© Саранцева Т.
© Издательские решения

Содержание

Коммодор и альбатрос 6
Смотритель маяка 14
Визит в Лиссабон 23
Возрождение из призрака. Анна Сюдов 29
Инквизитор-мор Энрике. Шестнадцатый век 36
Возвращение Инанны в 21 век 43
Сестра Инанны 49
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Не ходи ва-банк в раю
Том I

Татьяна Саранцева

© Татьяна Саранцева, 2024

ISBN 978-5-0064-4344-0 (т. 1)
ISBN 978-5-0064-4345-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Коммодор и альбатрос

Инанна, словно шторы, раздвинула галактики. Кристальной каплей из своего вселенского сознания сквозь звёздную мглу объяла Землю.

«Шар голубой во мраке, как в студии, освещаемый лучом юпитера. На тонкой, незримой нити, раскрученный умелою рукой, – слегка улыбнувшись, отметила богиня. – Но нить тонка и вот-вот он упадёт, осколки разлетятся, и уже не склеить. Ведь на нём есть те, кто перешёл черту, прочерченную Богом. И ни в грехах, ни в войнах вовсе дело. Ко мне впервые с планеты этой прилетел прозрачный голубь… Почти прозрачный… Принёс душу человека с обрывками сознания другого. Неполным, с какими-то клоками, просто – рвань. А где сознание того, кому душа по естеству принадлежала? Исчезло? Но куда? Я знаю… Уверена и в том, что Господь не стерпит путаницы душ, разумов и памяти. Кого и как ему судить на Небесах, если душа от одного, а в ней всё от другого? Нить во гневе оборвёт, шар упадёт и разобьётся вдребезги. Мне шарик жаль, в нём так много красоты и без человека. В последний раз повлияю на положение вещей».

Уже зло усмехнувшись, пронзила воды Атлантики, ударив в тектонические плиты. С Небес надменно наблюдала, как вздыбился океан и дал ход цунами.

Дождавшись, когда неимоверной силы ураган, свирепо рассекая и бросая ввысь громады тяжёлых потоков, вошёл в апогей, огненной птицей пронизала атмосферу и ринулась к самой западной точке Европы.

Через мгновение, уже слепящим, золотисто-белым гигантским странствующим альбатросом, никогда не виданным доселе в средних широтах, Инанна замелькала в пульсирующем луче древнего маяка, приближаясь к мысу Рока. Но в потоке фотонов этой рукотворной путеводной звезды, паря над ревущей стихией, она ощутила и иное…

Презренные посмели взять меня на сопровождение?

«Презренные посмели взять меня на сопровождение? Готовы выпустить ракеты? Мне же дела не было до них. Отвлекли… Ну что ж, люблю играть в войну. Для начала немного успокою море, тем самым погубят себя сами», – отметила она в полёте.

С этой мыслью без труда проникла в сознание каждого члена экипажа португальского фрегата типа «Бартоломеу Диаш» F 336, задраенного в жёсткий шторм по всем правилам и только что вышедшего из режима резонансной качки. Изменение курса и скорости этого

боевого зловещего призрака-невидимки, исполненного по технологии «Stealth», привело к его некой стабилизации.

Незримо присутствуя за спинами офицеров на боевом посту управления, Инанна вслушалась в разговор, читая и их мысли.

– Коммодор, впереди ураган. За бортом уже всё в пене. Судя по горизонту… Удивляюсь, почему не поступило оповещение о жёстком шторме? – пытаясь внешне сохранить спокойствие, констатировал капитан Мартинс, командир боевого корабля.

Коммодор жёстко отреагировал:

– Капитан, так не теряйте самообладание и время, пока океан относительно успокоился. Мы в зоне малоразвитых волн! Не упустите возможность совершить поворот под ветер с учётом данных! Немедленно распорядитесь…

«Вот и всё, капитан услышал коммодора, команды полетели, – отметила для себя богиня. – А коммодор хорош, но так и не дослужился до адмирала… Здесь исполняет миссию по проверке модернизированного в Голландии вооружения фрегата? Но захотел и влез в руководство кораблём… И у меня есть прихоть: так хочется мизинцем шлёпнуть по воде! Ведь они мне вовсе не друзья… Как брызги полетели!»

Океан внезапно взревел, породив огромную по высоте и длине волну, к которой, набравший скорость фрегат оказался практически в положении лагом. Ударил и шквальный ветер.

«Полный ход, да и руль переложен на борт… А здесь внезапно пришла гигантская волна… Не хорошо. Что с кренометром? Ах, пятьдесят семь градусов, – возник в голове коммодора лёгкий мелодичный голос. – Коммодор, сейчас ты вспомнил Бога? Но вас ожидает Амфитрита, дочь Океана. Ей на дне по нраву боевые моряки. Но тебя и часть команды я спасу. На горбе своём держу фрегат, перенесу через „девятый вал“. А ты обязан будешь исполнить то, что попрошу».

Коммодор в ужасе осмотрелся. От удара и чрезмерного крена корабля всех разбросало, но он единственный, вопреки законам природы, витал у стойки. Сам фрегат, судя по наклону палубы, завис под неимоверным углом. Раздавался и скрип метала. Казалось, что время остановилось, но только стрелки двинутся вперёд, корабль тут же безвозвратно ляжет на борт.

– Гомес, так ты готов служить мне? Или всё же к Амфитрите? – вновь раздался голос, но уже не в голове коммодора, а за его спиной.

Гомес инстинктивно обернулся. За его плечом маячил в мерцающем блеске и лучезарных переливах призрак необыкновенно красивой, величественной, загорелой, темноволосой дамы. Она прямо взирала на него чуть раскосыми глазами в ожидании ответа.

Коммодор потряс головой, но видение не ушло. Его губы непроизвольно прошептали:

– Да, согласен.

– Но больше не пытайся здесь руководить. На то есть капитан, – продолжила дама. – Вскоре фрегат должен был пойти к датским берегам на усиление, чтобы перекрыть проливы? Янки вашими руками решили всё же развязать войну? Но суть не в этом. Зачем меня дразнить? Не лезь, иначе никого не сохраню! А сейчас корабль спасу, но ненадолго, ведь течь пошла. В корпусе так много брака… Сама не ожидала.

В следующий момент фрегат вновь пришёл в движение. По касательной перевалив через гребень волны, заскользил вниз, вызывая у команды чувство невесомости.

Через время, пришедший в себя командир Мартинс с ядом в глазах смотрел на коммодора. Зло бросил:

– Коммодор, своими указаниями Вы чуть не погубили экипаж и корабль. На берегу доложу по команде. А сейчас зашейте себе рот. Мне и без вас хватает. Ураган непосредственно у акватории порта… С таким даже я ещё не сталкивался, а экипаж и подавно надо было готовить долгие годы. В программе боевой подготовки у вас такие тренировки практически не предусмотрены.

Гомес, уловив, куда клонит этот янки, попавший к португальцам по программе обмена кадрами, внутренне вскипел и свёл скулы, забыв на время о видении. В ненависти подумал:

«Не бывало такого? Как этот выскочка, выросший в Штатах, вообще был назначен командиром фрегата? Ни опыта, ни… Хоть бы элементарные вещи знал об истории моей былой империи».

С этими мыслями, сдерживая гнев, заклокотал:

– А три века назад? Семьсот пятьдесят пятый год? Только нет воспоминаний моряков. Никто не уцелел ни в океане, ни в прибрежной зоне. События описали те, кто был вдалеке на суше.

– Коммодор, не забывайте, я не осведомлён. Проходил службу на Китсапе[1], – раздражённо и сухо ответил Мартинс.

Гомес, не обращая внимания на его реплику и вспомнив о видении, продолжил:

– Я не могу представить то бешеное цунами, накрывшее весь Лиссабон после землетрясения. А за его откатом? Тут же последовали пожары. После цунами всё, понимаешь, всё запылало в огне! Боги, это боги прокляли и сожгли мокрый город… Теперь я в этом не сомневаюсь! Практически весь люд… Мои предки, бедняки, жили тогда в Алфаме. Единственный квартал, который мало зацепило. Спас скальный грунт. А то не стоял бы здесь, рядом с тобой. Пять минут – сто тысяч жизней в преисподнюю. Не понимаешь? Не повторилось бы это вновь. Капитан… И у нас здесь нечисто. Нечисто, готовь команду…

Мартинс в ответ прорычал:

– Не паникуй, нас пронесло. И не посмотрю, кто ты! Уйди в каюту! Мне сейчас необходимо уточнить локацию. Попробуем по пеленгам. Ведь с такой командой враз разнести фрегат. Как вы её готовили годами? Всё, срочно уточню, куда нас заволокло… Мыс рядом. Погорим на берегу…

В это время на мысе Рока, за его прибрежными скалами, всё живое, от пещерной твари до человека, открещиваясь от участия в схватке урагана с морской пучиной, ринулось в укрытия. Лишь тот самый одинокий маяк продолжал излучал свет, вселяя в моряков надежду на спасение собственных душ.

Не успел командир корабля отдать распоряжение по уточнению координат, как последовал доклад дежурного офицера расчёта противовоздушной обороны Родригеса. Из динамика послышался его голос:

– Командир, обнаруженная цель не распознаётся. Удалилась до восемнадцати километров, пеленг тот же – двести сорок шесть, движение вертикально вверх, высота четыре, одиннадцать, восемнадцать тысяч. Не успеваю, вертикальная скорость запредельна – семь тысяч в секунду. Движение объекта хаотично, из-за скачков вновь взять на сопровождение не удаётся, вероятность поражения на нуле. Этого быть не может!

Вместо продолжения доклада в динамике послышались звуки сдавленного дыхания, затем крик Родригеса раздался вновь:

– Капитан, это невозможно! Объект, в семьдесят метров длиной, вознёсся как Иисус! Я, было, потерял его. Затем он возник вновь, изменил движение по вертикали на сто восемьдесят и ушёл в океан. У меня на дисплее… Он уже рядом вышел из воды!

– Командир, успокой его и отключите всю боевую аппаратуру. Я же сказал, что здесь дьявол! – зло проговорил коммодор.

Мартинс схватил коммодора за грудки, тряся и брызгая ему в лицо слюной заорал:

– Заткни пасть! Аномалии – лишь миф, разберёмся!

Затем заорал в микрофон:

– Запустите тест аппаратуры.

---

[1] Китсап – крупная военно-морская база Тихоокеанского флота ВМС США

Коммодор же резко развернулся и, сжав пальцами край приборной панели, смотрел с поджатыми губами в смотровое окно поста боевого управления.

Впереди, в нескольких сотнях метров перед фрегатом, сверкающая, охваченная пламенем огромная птица, пикируя с космических высот, пронзила морскую плоть.

У коммодора зрение успело лишь захватить размытый, блестящий контур крыловидной стрелы, вонзившейся в океан. Процедил сквозь зубы:

– Такая птаха ушла в глубины… Она не только нас подденет, но и нутро богов подводных наружу вывернет… Опомнись, командир, не вздумай открыть огонь.

Мартинс же заорал:

– «Вратаря»[2] на точку входа цели в океан! Надеюсь, засекли? Открыть огонь! Чую, что тварь выйдет там, где и вошла! Что на гидролокаторе? Доложить!

Боги океана же, взбесившись и поражаясь дерзости невиданной ракалии, клюющей их в глубинах, слились в едином гневе. Рождённый ими и заслонивший треть горизонта водяной вихрь, искривив пространство, соединил небо с морской бездной.

Альбатрос, воспарив из вод уже под стальным градом снарядов CIWS, не обращая внимания на обстрел, пошёл на гигантский чёрный смерч. В стремительном порыве вонзил своё, заточенное под бритву крыло в вертящееся в небе, рваное чудовище. Сдавленное пространство меж туч и волн озарило радужное сияние.

– Капитан, полный сбой системы ЗУР RIM. Все экраны в сплошном свечении! – вновь послышался крик капитан-лейтенанта Родригеса.

– Ты тест проводил? – заорал в микрофон Мартинс.

– Да, – раздался шёпот Родригеса.

– Что? – шипя, произнёс капитан корабля и развернулся на шум у входа на пост. Там стоял и стонал гидроакустик, прикрывая уши, из которых сочилась кровь.

Не успев разобраться с ним, капитан услышал посыпавшиеся доклады об отказе навигационной системы, остановке газотурбин. Затем последовали сообщения о течи во всех смежных отсеках по правому борту корабля…

Гомес и капитан фрегата в этот момент уже ничего не воспринимали. Закрыв глаза ладонями, сквозь щели между пальцами наблюдали за свечением небосвода и чернью необозримого цунами, идущего прямо на корабль.

В следующее мгновение, над потерявшим ход фрегатом, в слепящем блеске, в двух десятках метров от смотровых окон, завис отливающий металлом, огромный альбатрос. Неподвластная стихии птица устремила взгляд на командный пост боевой рубки корабля. Её умные, спокойные и наполненные вниманием глаза лишили воли и коммодора, и капитана.

Гомес, этот бывалый морской волк, с удивлением наблюдал за свечением своего тела, отметил чувство невесомости, лёгкого полёта, затем забвения.

Он ощутил себя в совсем другой жизни. Молодой и полный сил, в ощущении свежего бриза, стоял на капитанском мостике каравеллы-латины шестнадцатого века. Под трепетом косых белоснежных парусов Гомес украдкой изучал находящегося рядом с ним высокого и стройного лекаря Королевского госпиталя. Тот же устремил прощальный взор на скалу, возвышающуюся над водоворотами Пасти Дьявола.

На вершине грота, в ярко-красной форме офицера, с мечом в руке, стояла сказочная нимфа с развевающимся под ветром белоснежным волосом. Вытянув руку вслед набирающей ход каравелле, она едва сдерживала слёзы. Рок судьбы свёл её с отважным врачом-красавцем день назад. Этот же рок судьбы разлучал их навсегда, убивая сердца утратой внезапно вспыхнувшей любви.

---

[2] «Вратарь» CIWS – скорострельная зенитная/надводная артиллерийская система ближнего боя со вращающимся стволом.

Коммодор, как ни странно, знал всю их историю. Ведь, в ходе странствия через века, он подписал контракт с самой Властительницей Неба.

Иосиф же, этот королевский врач, находился на каравелле Гомеса совсем с другой – юной Арией, с которой был помолвлен год назад. Коммодор, спасая их от инквизиции, уводил корабль за горизонт. А та, что на скале, оставалась совсем одна, по воле той самой гигантской птицы, парившей над фрегатом совсем в иные времена.

По просьбе Иосифа Гомес отдал помощнику команду на производство прощального залпа. Тот заорал, матросы бросились к орудиям.

С этим залпом внезапно возникшая другая жизнь коммодора растворилась. Гомес вновь погрузился в тьму, утратив контроль над ходом всех событий.

Через время всё вернулось на круги своя, в настоящее. Цунами настигло фрегат. Его, давшего течь, подбросило и смело как щепку. Затем корабль, под невидимым исполинским прессом, медленно пошёл в глубины вод к рассерженным богам.

Однако, коммодор и часть матросов не стали вечными узниками морского дна.

Гомес, открыв глаза, почувствовал потоки ливня, ощутил под собой скалистую породу. Осмотрелся. На валунах увидел разбросанные тела моряков с фрегата. Одни лежали неподвижно, другие приподнялись на локтях, а кто-то пытался и отползти от накатывающих волн. Раздавались стоны. Недалеко от коммодора лежал гидроакустик.

Коммодор привстал, не ощущая боли, держась за камни, подошёл к нему. Похлопал по щекам. Тот открыл глаза.

Гомес прохрипел:

– Андрэ, ты жив! Увидев без движений, я застонал, ведь сколько лет ты служил под моим началом.

Гидроакустик никак не отреагировал на его слова, сел, оглядываясь по сторонам. Тут же помрачнел.

– Что с ушами? – громче спросил коммодор. – Ты меня слышишь?

– Да, – ответил Андрэ. – Не пойму, ведь мне пробило перепонки, такая боль была. И тут же откинул голову на камень, закрыв глаза. – Что произошло? Был свет, затем удар и я телом пробил стальную рубку корабля…

Он вскочил, себя осматривая. Негромко закричал:

– Что произошло? Как? Коммодор, как?

– Сам ничего не понимаю. Мы с тобой были на латине, под косыми парусами.

– Коммодор, на какой латине? Меня несла волна, словно скутер!

– Альбатрос, гигантский, с наш фрегат! И богиня! Не помнишь?

– Вы о чём? – изумлённо спросил гидроакустик.

– О том! – выкрикнул коммодор, устремляя взгляд в небо. Как только сияющий объект попал в его поле зрения, мозг вспыхнул. Тело плавно опустилось на каменное ложе.

Лишился сил, медленно припав к земле, и Андрэ. Его губы зашептали:

– Стрела под водой, издавая свист, устремилась к берегу. Я предположил, что она уйдёт под город сквозь скальный грунт… Но как она вернулась, не столкнулась, не взорвалась? И тот голос: «Оставь меня в покое, не следи».

Шёпот Андрэ прервался, его губы сомкнулись.

Тем временем альбатрос, обрушивший колосс, сотворённый повелителями стихии, издал мощный победный клич над поверженными богами океана и встретившимися на его пути людьми. Но в этом крике птицы слышалась и досада на зря потерянное время в этой пустячной схватке, и разочарование в смыслах тех, кто желал направить фрегат к датским берегам во имя… «Во имя чего?» – задала себе вопрос Инанна и с презрением оглянулась на только ей приметные в шторме масляные пятна, оставшиеся от ушедшего в глубины корабля.

Через несколько секунд морской гигант, приобретая естественные размеры, уже скользил к самой западной точке границы океана и материка.

В бреющем полёте над ревущими водоворотами, среди брызг и пены, достиг подножия величественных скал и, вплотную к ним, устремился в поднебесье. Не опасаясь, что в последнем порыве ярости ветер разобьёт его о каменную твердь, взлетел на вершину, завершив свой безумный полёт. Теперь, с головокружительной высоты мыса, громады пенных волн, в безумии бьющихся у его подножия, казались всего лишь рассерженными маленькими карликами.

Инанна, неподвластная стихии, созерцала восставший океан

Смотритель маяка

На кромке скалы силуэт альбатроса скрылся в плотной завесе полого бьющего ледяного дождя. Но тут же вспыхнувшее яркое мерцание растворило плотную водянистую пелену. Обозначился чёткий контур присевшей на одно колено тонкой девичьей фигуры со склонённой головой. Оторвав взор от земли, устремив его в сторону океана, медленно расправив плечи, руки, богиня гордо поднялась.

Озаряемая молниями, она, в трепещущем под ураганом длинном алом платье подставила прекрасное лицо, высокую грудь порывам шторма. Наслаждаясь и нежась в потоках, способных унести и разбить о скалы всё сотворённое природой и человеком, смеясь, произнесла в восторге:

– О, это тело, какие ощущения! Как я по нему скучала. Людям не понять, что даровано им Богом.

Затем легко и плавно выбросила руку вперёд и с неким отторжением, но спокойно, чуть сведя тонкие брови, тихо произнесла:

– А вы, титаны, сковавшие себя цепями лени, покажите мощь свою! Иль вновь познаете мой гнев, забыли глас Инанны?

Из морской пучины вырвался глухой утробный звук. Всё задрожало, скалы на мгновение пришли в движение. Ураган, броском набрав немыслимую силу и скорость, обвил богиню яркими языками пламени, снося их тут же под своими порывами.

Инанна, неподвластная стихии, с некой грустью созерцала восставший океан. Затем, развернувшись, бросила взгляд на маяк. Крыша его, от трения с неистовым ветром, пылала багровым огнём. Вновь посмотрев в океан, прошептала:

– Довольно, уймитесь! Стекло разбито, и осколок грудь пронзил отпетого мерзавца!

Всё ещё наслаждаясь утихающими порывами, она медленно меняла облик. Её яркое, алое, плотно облегающее длинное платье приобретало всё более мрачные тона, пока не превратилось в чёрный атласный плащ. Нежное лицо, повзрослев до полного расцвета молодости, приобрело бронзовый оттенок, сохранив при этом всю внутреннюю красоту, величие и нежность.

Идя по краю мыса, богиня всматривалась в звёзды. Остановилась, замерла. Провела рукой по небосводу, словно укрывая его вуалью. От этого движения, подобного взмаху крыла птицы, в небе проявилась зеркальная лиловая твердь, защитив Землю сферой от потоков, испускаемых космосом.

Все прибрежные страны с сиянием огней их городов, трасс нашли отражение в этом куполе, не наблюдаемом ни одним смертным. Но богиня была занята отнюдь не созерцанием красот. Она смотрела на иное: на суть людскую.

С разочарованием, глухим тембром констатировала:

– Вновь, вопреки природе, травы на лугах, лесные исполины, реки пьют кровь людскую. Безумцы, лишённые разума и воли. Подпав под зов ублюдков, вы, превратившись в зомби, в броне вновь идёте на Восток? Мне содействовать Востоку? О, нет. Ведь если помогу, то их же и ослаблю в перспективе. А вот в борьбе они вновь окрепнут сами и победят. Вернут себе и смыслы бытия.

С этими словами плащ богини воспылал багровыми языками пламени. Резко развернувшись в сторону материка, она продолжила:

– Но один вопрос к Востоку… Отмоется ль он от компрадорской слизи? Возникли ли пороги для Европы на пути несущихся в неё потоков благодати безвозмездной? Конечно, возводятся плотины. Но не бутафорские ль? А вообще – плевать, не мой удел. Там, в глубинных

землях, привыкли вечно дань платить, и даже победив – платить. Быть может хоть в этот раз очнутся и устранят свою ущербность в вознесении иных, при унижении себя.

Высоко взбросив лицо к небу, на котором вновь вспыхнули звёзды, Инанна с презрением отметила:

– О Бог ты мой, а в этих-то краях! Как их снедает прогноз паденья в бездну. Со сверкающих вершин, из господских лож – в пещеры! Вновь, в тёмные века, ведь рабы, что энергию дарили, прозрели и восстали. Платили вам, но час пришёл расчёта.

Затем, вскинув высоко голову, вновь засмеялась и продолжила:

– Хотя исход быть может и иной. Ведь я не влезу в эту свару. Как у них водилось ране? Вы, на этих берегах, конечно, будете повержены. Но победители с Востока, с земель, где на ветру трепещут листвой, серёжками берёзы, те герои придут к вам вновь с поклоном? И всё простят и попросят дружбы у палачей, убийц?

Резко развернувшись к маяку, наложила аккуратно ладонь на почерневшую жердь ограды, отделяющей туристскую тропу от пропасти. Поддержала её, смягчая падение на землю, медленно опустила. Освободив себе проход, ступила на дорожку и направилась к белокаменному забору.

Внутри маяка прошла по просторной комнате смотрителя. Приблизилась к застеклённой с овальным сводом двери, обрамлённой мрамором и открывающей путь наверх. Внимательно всмотрелась в полумраке в фотопортреты ветеранов службы. Прошептала, приложив палец к целомудренным, влажным губам. Мягким голосом с восхищением сказала:

– Здесь пахнет, как в непосещаемом музее. И тишина хранит историю. А эти, на портретах, достойно исполняли долг. Горды теперь собой на отдыхе.

Затем плавно открыла створку двери, замерла перед лёгкой винтовой лестницей. Филигранно отлитый металл, витая ось, ажур тончайших балясин-пик и отливающие янтарным блеском медные перила создавали впечатление вознесения этой лёгкой конструкции в небеса – словно волшебная длинношеяя, многокрылая, белая птица в золотом убранстве устремилась к Солнцу.

Богиня бесшумно поднялась по ступеням на первую площадку. Увидела склонённого над чьим-то телом коротко стриженого крепкого, коренастого мужчину в чёрной кожаной куртке с узкими погонами на плечах. Подошла к нему почти вплотную. Услышала его рыдания. Посмотрела и на лежащего без движения молодого худощавого парня. Усмехнулась, увидев торчащий из его груди большой осколок стекла. Рана сильно кровоточила.

– Он не умрёт сейчас, позже, не от этой раны, – тихо произнесла Инанна.

Мужчина встрепенулся от неожиданности. Тут же взяв себя в руки, строго бросил:

– Я – смотритель маяка. А кто Вы? Как сюда проникли?

– Волки. За мною гналась стая волков. Здесь дверь была открыта. Тут я нашла убежище от них, – кратко ответила Инанна.

– Какие волки? Lobo[3] в нашем крае? Что за чушь? Кто Вы?

– Я странствую. С севера страны они, скрываясь, прячась, шли след в след за мною. Да, иберийские «шакалы». Ничтожна эта пакость, но сбившись в стаю… Мой лузитанский жеребец, познавший все корриды, взбесился, учуяв их. На привалах я вынуждена была нанимать охрану.

Незнакомка, выдержав краткую паузу и пожав плечами, завершила риторическим вопросом:

– Зачем я этим тварям? Возможно, это оборотни? И чуют жертву, но не во мне и не в коне. Интуитивно. Ведь со мною рядом люди умирают. А нечисти в чутье на беспомощных нет соперников ни на этом свете, ни там…

[3] Lobo (порт.) – мелкие волки, обитающие на севере Португалии.

Безумное злословие незнакомки над телом погибающего юноши привело смотрителя в бешенство. Он вскочил и направил свет фонарика на неё. Обомлел в мгновение. Восточное прекрасное лицо непрошеной гостьи было словно золотая маска. Её спокойствие, твёрдость взгляда мгновенно погасили вспыхнувшее в нём раздражение и вызвали суеверный страх.

– Ты смерть? – выдавил он из себя грудным голосом.

– Дай мне спасти его. Неси сумку из-под лестницы, там её оставила. Я – хирург, – жёстко произнесла Инанна.

– Иди сама. Я не оставлю мальчика, – выдавил из себя смотритель.

Но взглянув на своего стажёра, тут же передумал и, дёрнув головой, сам направился вниз.

Через пару десятков секунд Инанна, вытащив плотную салфетку из доставленного смотрителем небольшого саквояжа, склонилась над парнем.

– Эктор, придерживай его за плечи, – уже более мягко указала смотрителю богиня.

Тот опешил, услышав своё имя из уст странной незнакомки, но тут же взял себя в руки и исполнил команду. Инанна плавно извлекла стекло, затем резко и глубоко погрузив всю кисть в тело раненого, втолкнула ткань в широкую рану. Стажёр вздёрнулся.

Придя в ужас от такого действа, Эктор непроизвольно выбросил руку к Инанне, пытаясь оттолкнуть её. Тут же ощутил, как костяшки его пальцев ударили словно в броню.

– Не мешай же мне! – вскричала незнакомка. – Не видишь? Ткань работает!

Сдержав вопль от пронизавшей руку боли, Эктор в замешательстве сначала взглянул на свои мелко задрожавшие пальцы и сжал их в кулак, чтобы не выдать страха. Затем уставился на рану юноши. Торчащие снаружи куски салфетки превратились в желе и покрыли ровным слоем кожу стажёра. Затем впитались.

– Ничего антинаучного, – вновь заговорила Инанна. – Тряпка – замена скальпелю. Материал универсален, под все геномы. Реорганизуется под надобный по ходу дела. Дренаж не нужен: биоробот изгонит кровь из лёгкого. К чему мне объяснять? Перевернём его. Сейчас пробудится. Надо, чтобы всё вышло из него.

Смотритель тут же перевернул своего напарника. Парень, не приходя в сознание, попытался сделать вдох. Закашлялся. Кровавые сгустки полетели на лестницу.

– Вот и всё. Теперь я не в долгу. Минуты три и никаких следов.

Эктор, всё ещё удерживая на колене своего стажёра лицом вниз, с лёгким хрипом повторил вопрос:

– Так кто же Вы, сеньора?

– Не будь навязчив. С него всё вышло. Уложи его на спину. Скоро он очнётся и сам поднимется.

Эктор, словно не слыша её, заговорил:

– На ум приходит легенда о ведьмах, похитивших здесь малыша. Спасла его…

Инанна резко перебила:

– Нет, я не ведьма и не Мария! Мне ближе быть посланником Всевышнего, который превратил презревшую его наказ медведицу и малышей[4] вот в эти скалы, на которых зиждется маяк. Но займись своим стажёром, ведь не уберёг его. И прибери. Ему ни слова обо мне.

Эктор, аккуратно уложив стажёра, спустился за водой и тряпкой. Поднявшись, внимательно взглянул на чужестранку. Подробно рассмотреть её облик в темноте не удавалось. Инанна же, усмехнувшись, возобновила разговор:

– Убирай и слушай. Через час его жена родит. Мальчик появится на свет. Внизу распустились бутоны роз.

– Какие розы? Здесь и в декабре?..

[4] Португальская легенда о превращении Богом медведицы и ей медвежат в мыс Рока из-за того, что она в непослушании не покинула эти места.

– Не перебивай, иначе будешь в океане. Лететь тебе не страшно? В метрах – где-то сотни полторы? Так вот. Куст у забора. Юноше нужны цветы, а время он потерял лишь по твоей вине. Ты ведь его отправил закрыть окно?

– Я и предположить не мог. Поднялся ветер. Отправил его раму затворить. А через секунду, сначала дикий звук из океана, затем удар по маяку. Я тут же бросился наверх. Но было поздно.

– Трамвай не ходит, беда на линии. Но мой конь внизу, – не слушая Эктора, продолжила Инанна. – Он домчит его до Синтры. Ведь твой стажёр – неплохой наездник. На въезде в городок пусть снимет упряжь, она в каменьях. Это возместит ему ущерб. Ведь автомобиль разбит порывом ветра. Обгорел. Жеребца чтоб отпустил. Скажи ему, что лошадь приблудилась. Повторю, обо мне ни слова. Я поднимусь наверх. Там жду тебя, а он сейчас очнётся.

С балкона, обвившего маяк узорными перилами, Инанна смотрела вниз на успокоившийся морской прибой, который, изрядно потрепав побережье, вновь стал ласкать окаменелых детёнышей медведицы, так глупо не покинувшей по велению Бога родные края и погубившей потомство.

Небо прояснилось, тёмные сумерки расступились. Инанна услышала шаги смотрителя.

– Я здесь. Так может быть, сейчас Вы проясните мне всю ситуацию? – пытаясь выглядеть хозяином положения, строго поинтересовался смотритель.

– Благодарность где? – спокойно ответила Инанна. – Сейчас исчезнут тучи. Увидим солнце.

– Спасибо, что я должен? – спросил Эктор.

– Вы не привыкли к этому. У вас – за всё плати. Я же сказала, что сама была в долгу. Природа здешних мест весьма неблагосклонно приняла меня. А пострадали вы. Я рассчиталась лишь. Оставьте это.

Лучи ударили в лицо. Она с безмятежной улыбкой чуть прикрыла веки. Смотритель взглянул на озарённое сиянием её лицо. В который раз оцепенел: от этого внеземного лика также струился благодатный ровный свет. В смятении прошептал:

– Не может быть!

– Впервые наблюдаю, как от красоты приходят в ужас! – смеясь, ответила Инанна.

Её лицо сияло природным златом, а скалы отливали медью.

– Смотрите, Эктор! Как глубины пожирают солнце. Им недостаёт тепла. Морям так хочется вскипеть и выварить весь этот кровожадный мир. Но только облака рождают. Они ограничены все в силе, – промолвила задумчиво Инанна.

Затем, резко повернув к нему голову, пронзила взглядом и продолжила:

Я – нет, бессилья никогда не ощущала. Не дано мне слабость испытать. Способна, в одно мгновенье, остановить вращение ядра Земли, а выдохнув, остудить его. Но всё же лень, да капля жалости, всё ещё живущая во мне, мешают этому.

– Так кто же Вы? Сумасшедший гений, который…

– Мне не по нраву разные догадки, – вновь прервала его Инанна. – Я – те звёзды, которые чуть позже зажгутся в небесах. И солнце то, что захватили воды. И тот фрегат, который час назад ушёл на дно, а может и вознёсся в небо. Там, на его борту, в панической атаке, команда взяла на мушку нечто. Так разве можно? Обладая разумом, угрожать сильнейшему в миллиарды раз? Это даже не тащить медведя из берлоги без ружья, ну, или без рогатины, кинжала. Та стая, словно lobo, вела охоту на меня. Презренные шакалы…

Волна усталости нахлынула на смотрителя. Он десятилетия прожил вне мира этого, душа его давно была пуста. Но чтобы, от изощрённого глумления над ним, так вдруг оледенела… Ему стало всё равно, кто рядом с ним. Будь она сумасшедшей, либо богиней, иль богатой стервой, смеющейся над ним от скуки. Разум заполонил колючий аномальный холод, пришёл

и сумрак. Гулко застучало сердце. Почувствовал, как беда берёт его в объятия. Воспротивившись, он резко всем корпусом развернулся к незнакомке, не понимая, что хочет предпринять.

– Шучу, – вновь рассмеялась Инанна, упредив взрыв его эмоций. – Я здесь по делу. Будь терпим ко мне. Расскажу историю.

С этими словами она облокотилась на перила балкона и развернулась к смотрителю.

– Однажды приглянулся гений мне. Но жили в нём пороки. Я преподала ему уроки. Он клялся, что их усвоил.

Инанна вновь слегка засмеялась. Её невообразимая красота и притягательно тёплый взгляд возродили в смотрителе мирского человека.

Она продолжила:

– Проверить его решила, одарив властью и деньгами. Какие земли преподнесла ему – бескрайние просторы. И знания вложила… Ты знаешь, Эктор, и он творил. Однако, только поначалу: дьявол в нём всё так и жил. Он хитростно скрывал его. А я-то, дура. Свела его с сестрой своей, чтоб грамоте учил. А он её – в постель. Но не в этом суть. Воспользовавшись ею, он выведал секреты: как одолеть меня, узнать дорогу к Богу и вырвать бороду ему. И этот негодяй сейчас творит немыслимое зло. Он на Земле. Он здесь.

Инанна сделала паузу. Затем добавила:

– Он знает, что путь единственный к Всевышнему проходит через Землю. Здесь бьёт тот ключ, родящий мыслящих существ. Они же, в страданьях закалясь, затем преображаются и служат верою Творцу. Подлец решил источник подменить: иное племя сотворить взамен людей. Затем направить их Творцу на службу и через души подлые убить ближайших слуг Всевышнего. Затем расправиться и с ним. Вот так он мыслит путь к Вселенской власти. Я здесь, чтобы остановить его. Ведь он – создание моё. Чуть ли не возвела слугу антихриста на Божий трон.

Смотритель усмехнулся. Спросил:

– Ты пишешь что-то? Так себе сюжет.

– Нет, не пишу, ведь вы все ослепли. Зачем писать при таких делах? Утратив веру, но убеждая самих себя, что веруете, плывёте по течению, стремясь хоть как-то выжить. И так день в день. Не видите, как воды стали мутны и скверною наполнились.

Замолчав, глубоко задумавшись, Инанна спросила у смотрителя:

– Эктор, что есть вера во Всевышнего? Нет, не говори. Не познав – ответ неверен будет. Задумайся над этим. Скажу одно, лишь немногим в этом мире дано сполна уверовать и следовать заветам. Они становятся святыми. О нет, порой не те, что Ватиканом возвеличены. Воистину святых Бог лично избирает.

С этими словами Инанна указала на берег. Там, молодой друг Эктора дёргал за поводья гарцующего в лучах тёплого заката лузитанского вороного жеребца. В руке юноши пылал букет алых роз. Он проворно вскочил в седло, конь слегка привстал на дыбы и затем устремился рысью в путь.

– Он забыл, что стекло торчало из груди, я позаботилась об этом. И меня здесь не узрел. А жеребец доставит его точно к цели, не беспокойся, – тихо произнесла Инанна.

– А волки? – спросил с усмешкой смотритель.

– Всё побережье континента, воды у него заполнились отребьем бесовским. Однако, скакун наполнен силою моей, – иронично ответила Инанна. – Так спустимся же вниз. Мне давно откланяться пора.

Направившись по лестнице, увлекла за собой и Эктора. Продолжила беседу, через плечо бросая фразы:

– На языке вертелось. Чуть не забыла. Изгнать юнца тебе отсюда следовало. Он, твой Юзеф, на маяк пришёл стажёром, чтоб океанский лайнер потопить. Со всем народом на борту.

Там враг его средь экипажа. Вот и задумал месть. Юзеф не из робкого десятка, но дьявол ведь. Ему не долго жить.

Эктор застыл. Дыхание перехватило. Захрипев на вдохе, бросил криком:

– Что??? Как смеешь ты так о нём! Он у меня один на этом свете. Ты понять…

С этими словами у него внутри всё вспыхнуло, заклокотало. Пришёл тремор. Он поднял руки, завибрировавшие вместе со всем его телом. Уже безумным взглядом смотрел на них.

Прерывисто зашептал:

– Мой мальчик! Он один, из тысяч в окружении моём, вселил в меня надежду, что вновь смогу поверить в человека! Что ты удумала с ним сотворить? Зачем спасла его? Чтоб погубить? Иль ты тоже сатана, как все вокруг меня? Скажи!

С этими словами Эктор выставил трясущиеся руки вперёд и бросился по ступенькам к богине. Инанна уклонилась. Эктор пролетел вперёд, споткнулся. Падая, цепляясь за ажурные стойки перил, всё же не удержался и всем телом ударился в стену на площадке лестницы.

Инанна внимательно всмотрелась в глаза поверженного ею одной фразой могучего служителя кораблям. Затем продолжила:

– Презренный! Кому не веришь? Мне? Так познай, чем подлеца душа была наполнена. Юзеф сумел услышать боль твою и воспользовался этим, представив пред тобой себя такой же жертвой, как и ты.

Эктор с ужасной гримасой на лице, с широко открытыми глазами, под огненным взглядом Инанны, раскинув руки, вжимался в стену.

Инанна, зло усмехнувшись, продолжила:

– Та смерть, в груди с осколком, была бы слишком лёгкой для него. Юзеф – тварь. И я сказала, мне пора.

Пройдя несколько ступенек вниз, обернулась к Эктору. Тот пытался подняться. Заговорила:

– Ведь у меня полно хлопот. К примеру, сегодня перед Рождеством, надобно напомнить гостям моим, кто правит миром. Знаешь, ты, былой моряк, что парочка богов наведалась сюда. Около трёх тысяч лет назад. Он и она услаждались мёдом и вином, когда вокруг была чума, шли войны, костры пылали. Я их деменцией тогда вознаградила, лишила силы и ввела в ранг смертных. Погрузила в жизнь иную, начиная с тех времён. Зовут их Анна и Иосиф. По паре раз на каждый век дарю им жизни. Они теряют их в муках, рождаясь вновь и вновь. Потешусь я над ними, а затем прикончу, до конца. Подведу черту. Сегодня.

С этими словами Инанна резко оттолкнулась от перил и полностью развернулась к Эктору. Проронила:

– Стал чуть спокойнее? Так проводи меня. Исполни этикет.

Эктор поднялся, пошёл по лестнице за Инанной. Вдруг качнулся, ухватившись за перила. Заговорил:

– Тебе поверить сложно, но сердце чувствует беду. Если с Юзефом что-нибудь случится, я донесу народу… Устроим облаву на тебя, а не на придуманных тобою оборотней. Если он виновен, пусть судят по…

Инанна перебила:

– Не думаю, тебе не суждено поведать люду обо мне. Если утра дождёшься, то сознание воспримет это всё как сон. Как вещий сон кончины Юзефа. Но не уверена, что у тебя рассудка хватит сберечь себя. Намерения твои пока ещё не зрелы. Если ты, как только я покину пост твой, начнёшь звонить во все колокола, то несдобровать тебе. От выбора судьба твоя зависеть будет.

Эктора вновь пронзил страх. Затем пришёл приступ астмы. Сквозь кашель смог донести:

– Не могу дышать, поднимусь назад, на свежий воздух.

– Ступай же. Я буду ждать внизу.

На балконе свежий бриз сделал своё дело. Приступ стал отступать. Всё ещё покашливая, Эктор взглянул на океан. Солнце побагровело и почти полностью ушло за горизонт. Он прикрыл лицо ладонями и тихо зарыдал. Зашептал:

– Как слеп я был. Ведь принял его как сына. Он возродил меня, когда я безвозвратно уходил в трясину.

Ударив кулаком по перилам, продолжил:

– Но разве она права? Пусть судит суд. И меня. Я ведь не подумал, зачем он здесь. Он служил в бюро контринформации CISMIL[5]. Конечно же, к чему ему здесь были ночные бдения по написанию программ? Не торопился и к красавице жене! С его талантом, знаниями он прозябал. Под чьим началом? Под моим! Сумасшедшего, стареющего тирана собственной души. А его дроны с устройствами, глушащими сигналы, иль меняющими координаты? Когда взлетали эти «птицы», связь пропадала, приборы все плясали. Менялась дислокация. О чём я думал, почему так просто верил его словам?

Смотритель развернулся к стене маяка и вдавил в неё свой лоб. Пальцы впились в штукатурку. Он заговорил, обращаясь сам к себе:

– Юзеф сообщил, что был уволен ни за что. Мол, друг оклеветал, заявив командованию, что во время пьянки Юзеф подстрекал того продать секреты в Иран. Доказательств не нашли. Но всё равно, по доносу был уволен и он, и тот доносчик. За что доносчик? За то, что сообщил не сразу.

С этими словами Эктор истерически расхохотался. Резко оборвав смех, уже громко заговорил:

– Ты, незнакомка, слышишь? Юзеф заявлял мне, что хочет доказать: разведка лишилась лучшего спеца по РЭБ. Как он мне пел, что вновь желает вернуться в строй. Представит начальникам своё изобретенье, то, что обезопасит флот от вражеских атак. И я поверил! Как искренен он был! А я и не подумал: кто вернёт его в спецслужбы, даже гения?

С этими словами Эктор сполз вниз, на колени. Затем резко вскочил и стал стучать головой в стену, крича:

– Каков же я слепец! Всё, хватит! Пожил!

С воплем резко развернулся к океану, чтобы броситься вниз. Но ужас исказил его лицо. Вытянув руки вперёд, заорал:

– Что вижу я! Ведь это картина снов, преследовавшая меня десятилетия. После того, как в юности познал предательство друзей! Когда один из них ударил веслом меня в штормящем море, а другой из шлюпки сбросил, чтобы сохранить запас воды. Я не погиб тогда, продержался двое суток. Но погрузился душой своей в глубины одиночества. Там, во впадине морской разбитого сознания, не приемля никого вокруг, давленье безлюдья мне раздавило сердце. Боже, ты же знаешь, что с тех пор я уже не жил.

Глубоко вздохнув, он вновь зашептал в поглощающем его безумстве:

– Нет, нет! Не может быть. Ведь видения ушли, когда здесь появился мой стажёр, мой мальчик! А сейчас вновь, но только наяву?

Он зажмурил глаза и протёр их сжатыми в кулаки пальцами. Опять взглянул, дико захохотал:

– Нет, всё реально. Кровавый океан до горизонта и запах мёртвой плоти. Багровая волна и сгустки черни вместо пены. Звучанье ритуальных аккордов из органа. На шхуне ржавой рваный белый парус, но кровь в брызгах океана дарит цвет ему иной. Да это ж я, там, на корме. Багровая волна нещадно бьёт мне в грудь и сносит…

[5] CISMIL – объединённая служба военной разведки ВС Португалии.

С этими словами смотритель отступал спиной назад к двери на лестницу, споткнулся и покатился по ступеням. Остановился на том самом месте, где ранее лежал его стажёр. Застонал:

– Я умираю. Кто давит мне ногой на грудь, не позволяя вдоха сделать. Но жить хочу, а смерть пришла. Уйди! Я здесь служить хочу! Пощади меня, незнакомка, прошу тебя, спаси, хоть ты и дьявол!

Богиня тихо поднялась по ступеням, уступая мольбам смотрителя. Присела рядом. Тихо заговорила:

– Вот так сидел ты рядом с Юзефом. Как я сейчас с тобой. Спасти тебя? Нет. Забери назад свои слова с мольбой ко мне.

Эктор зашептал:

– Но почему? Ведь я был слеп и не настоль виновен, чтобы не протянуть мне руку помощи? Иль ты, такая же, как тот мой друг с веслом?

Инанна в ответ зашептала ему на ухо:

– Нет же. Всё проще. Кем ты посчитал меня? Слугою нечестивого? Так сам имей же честь достойно принять смерть. А не просить у дьявола спасенья. Иль как? Приняв услугу от меня и далее живя, ты станешь проклинать себя за слабость, проявленную в смертный час? Да так и не поняв, кто смерть прогнал? Порвёшь всю душу до кончины и перед Богом явишься униженным собой же. А Отец таких не чтит. Целостность натуры уважает Он. Умри достойно!

– Но не на этом месте. Здесь лежал подлец! – воскликнул Эктор.

– А это для тебя урок. Да и не умер он здесь. Лежал всего лишь. Да какая разница тебе. Что за каприз?

Эктор беззвучно из последних сил рассмеялся и с тоской во взгляде поглядел на Инанну. Попросил:

– А ты мудра, да как красива. Поцелуй меня!

– Вот ещё забава. Ладно, хорошо. Но только не тебя! Того, который, презрев вызов смерти, победил её, продержавшись в шторме двое суток. Солёная холодная вода, снесённый скальп веслом. Того, а не тебя целую. Ты же скис, утратил силу, возненавидев мир.

Эктор приподнял руки и с удивлением смотрел, как молодеет кожа на его запястьях…

– Ну вот, передо мной молодой моряк, спасённый в океане. Посиневший, губы запеклись. Кожа стёсана на черепе. Болит? – обратилась к Эктору ласково она.

– Жжёт, словно тысяча жал пчёл впились в темя, – прошептал он.

– Я поцелую и всё пройдёт, мой милый, – прошептала Инанна.

Инанна склонила голову над помолодевшим лицом Эктора. Её пышный волос прикрыл их от посторонних взоров, исходящих с небес и нижних миров.

Как только Инанна подняла голову, дыхание Эктора прервалось. На юном мужественном лице застыла блаженная улыбка.

Инанна приподнялась и аккуратно положила рядом с ним старинную монету:

– Это золотой, на похороны. И памятник поставят, я обяжу конкретное лицо. Чуть позже. Поверь, не забуду о тебе.

Затем богиня тихо последовала вниз по ступеням. Приостановилась. Проговорила:

– Из памяти смотрителя его мольбу о спасении убрала. Да явится он пред Небесами без этого изъяна. Сентиментальна стала, давно не посещая Землю во плоти людской. Ну и пусть. Он ведь не жил, приговорил себя к страданью. Всего лишь вознаградила поцелуем. Не знаю, верно ль это? Но выбор был таков.

Выйдя во двор и глядя на дорогу, продолжила:

– А ублюдок со скакуна не слезет. Прикинул цену на него и в мыслях уже продал, отирая купюрами лицо. Ну и фантазёр! Но конь, взбесившись, сбросит седока, а сам умчит, пробив дорогу в поднебесье.

Чуть поджав веки, прошептала далее:

– Ему предоставила смерть иную, ведь он осатанел: сбить приборы корабля, заглушить сигналы радиомаяков, установив свои и запустив их в нужный час. А здесь кишка была тонка, ведь Эктор истребовал и установил резервное питание. Вот и устроился сюда…

Инанна вздохнула, зло бросила:

Отправить акулам пять тысяч душ с детьми? А мне их принимай? Так сейчас он сам, потеряв коня, прижат к скалам стаей бесов. О них я позаботилась. Как его они терзают в клочья, он погибает в ужасе от их звериного оскала, боли.

Уже на ходу, завершила:

– Бесы убрались, а его тело запылало, как у тех, кто в броне решил идти навстречу восходу солнца, как у тех, кто не понимает, что солнце начисто сжигает. И его букет из роз пусть тут же пустит корни, а соцветья изменят цвет на чёрный.

Инанна тут же повернулась к кустам роз. Бросила:

– Покройтесь чёрным цветом, как тот букет у Юзефа, а шипы сполна наполню ядом я сама. Ведь траур наступил. Дадим работу для святых отцов по освещению этих мест. Разраститесь розы, окружив всё здесь печальною каймой! Народам побережья надлежит вновь привыкать к траурным тонам. Виновны сами.

Выйдя на простор, Инанна достигла обрыва. Широко расставив руки, бросилась вниз, но тут же взмыла в облака самкой орла-могильника. Ощутила, как тёплые струи восходящих потоков воздуха подхватили её крылья и вознесли ввысь. Величественная картина заходящего солнца вновь вспыхнула перед орлицей. Лучи светила медным блеском отразились в её багровом оперении.

Сделав три прощальных круга над маяком, оглядев с высот чёрную ленту из роз, опоясавшую двор, орлица устремилась в сторону Лиссабона.

Лёгкий ветер, тем временем, всё ещё усердно сметал в океан отливающие металлом перья диковинного альбатроса, ранее прибитые к скалам под мощью урагана.

Визит в Лиссабон

Достигнув Лиссабона, орлица воссела на зубец башни замка Сан-Хорхе. Ниже, под крепостью, в ярком рождественском убранстве простирались белые кварталы, выставившие напоказ красные черепичные крыши своих древних домов.

Анимационные фантазии жителей, сдобренные меценатами щедрым дополнением к бюджетным расходам, превратили всё пространство в изумрудный город. Он утопал в чудных мягких огнях фонариков, узорчатых гирлянд, вспыхивающей россыпи фейерверков у дворцов. Разноцветье ярмарок и площадей дополняли ароматы новогодних яств и напитков.

Каждый двор и домик были наполнены сказочным теплом, исходящим от арт-объектов из библейских сюжетов. В этом сиянии царственно являлись взору многочисленные фигуры мальчика-Иисуса, девы Марии и Иосифа. В витринах красовались игрушки Санта-Клауса с мешками, наполненными подарками, а на улицах эти же куклы карабкались по верёвкам на балконы домов к возбуждённой детворе. Установленные ранее, в день Непорочного зачатия, ели зажгли свои свечи.

Зазвучавшая где-то рядом песня Фернандо Лопеша «О, мой младенец Иисус» заглушила доносящиеся издалека аккорды фаду. Звуки, пробуждающие чувства святости и возвышенности, вытеснили на время у местных обитателей только им присущее saudade.[6]

В домах начали накрываться столы, до полночи оставалось шесть часов.

Душа богини, завладевшая крылатой хищницей, жила своей особенной жизнью, отличной от общего настроения граждан полиса. Она погрузилась в минувшие лета и услышала первые крики родившегося в стенах этого замка короля Жуана III, коронованного декабрьским днём пять веков назад. Но не о нём, жесточайшем и алчном деспоте, возродившем на триста лет вперёд инквизицию, думала Инанна.

Пребывая одновременно во всех пластах истории города, она наблюдала за теми, кого лишила божественной сущности и ввела в ранг смертных.

Увидев в глубинах древности одного из них, отметила:

«В данной жизни он королевский врач! Иосиф… Влип, бедняга. Ему предначертана дорога на костёр. Но для спустившегося с Неба – это слишком просто. Он у меня познает больше. Не дам ему героем, или жертвой стать!»

Встряхнув перья и взмахнув крыльями, она воспарила ввысь, облетела город и спланировала на обелиск Реставраторам. Там, в мыслях об Иосифе, отметила:

«Он, не помня, кто на самом деле, пройдёт через века. Умирая, а затем вновь приобретая плоть. Хлебнёт божок земного „счастья“. Тем более, каков глупец, кому в любви поклялся? Но каждому даётся шанс. И у него пусть будет. Сведу Иосифа с его былой богиней, несравненной Анной. А на костёр пойдёт другой. Тот, кто обесчестил Эйн, влил грязь в её сознание, тот Атлант, решивший потягаться с Богом».

Усевшись на венец ангела Победы, озарила женский лик скульптуры ровным голубым сиянием.

– Мама, страшная птица! Смотрит мне в глаза! – раздался дикий крик пятилетнего мальчишки, рассматривающего статую. Затопав ножками, он прижался к матери и завизжал.

Молодая мамочка, поднатужившись, схватила мальчика на руки. С дрожью в голосе спросила:

– Где птичка? Что ты увидел?

– Вон она! Вот, на статуе, на голове! Орёл с красными глазами, весь светится! – всё ещё продолжая визжать, тыкал рукой малыш в статую.

---

[6] Непереводимо, обозначает сочетание грусти, печали, надежд.

– Нет там никого, тебе показалось, – погрузившись в суеверный страх, глухим голосом попыталась успокоить малыша мать.

– Сынок, птичка? Она хорошая! Не бойся её. Но пойдём быстрее за подарками для бабушки и дедушки, – забирая малыша, произнёс отец.

Отвернув ребёнка от статуи и отходя подальше, бросил жене:

– Дети видят то, что нам недоступным стало. Пойдём отсюда быстрее.

Затем прошептал ласково на ушко сыну:

– Пожелаем этому орлу хорошего Рождества и побежим быстренько в лавку за пирожными.

Орлица, взлетев, обогнула стелу. Воссела на вытянутую руку скульптуры рыцаря, олицетворяющего символ Свободы, отвоёванной у испанцев.

«А сейчас нанесу визит к тому, кто Эльзу, лишённую Атлантом разума, мной возвращённую на Землю в образе другой, обескровил в угоду демонам», – решила богиня.

Вновь хлынул проливной дождь. Празднующие жители бросились в укрытия.

Молодой откормленный швейцар близлежащего роскошного отеля, расположенного по диагонали от стелы, предупредительно распахнул стеклянные двери, впуская гостей, вышедших перед праздничным шоу за глотком свежего воздуха. Запустив промокших до нитки под внезапным потоком постояльцев, через струи воды стал по привычке наблюдать за происходящим вовне.

Ручьи на дверном стекле превратили улицу в Королевство кривых зеркал. Праздник для всех, но не для него. От преследовавшего в течение последнего года страха, его сердце терзала гнетущая тупая ломота. Взгляд фиксировал происходящее вовне, но сознание уносило из реального мира, связывая содеянное им ранее зло с цепью фатальных смертей соучастников кровавого преступления.

Он увидел, но не принял во внимание, как орлица, слетев со статуи, озарилась ярким пламенем и превратилась то ли в пиковую даму, то ли в молодую жену богатейшего шейха. Отстранённо наблюдал, как она направилась в его сторону. Его даже не разбудило возникшее в подсознании удивление: перед ней расступается дождь!

Сверкание бриллиантов и изумрудов, исходящее из её золотой диадемы, в конце концов, пробило электрическим разрядом мозг служителя. Она уже была в шаге от двери. Он глянул на вздымающуюся при вдохе бронзу её груди. Огни колье больно ударили в глаза. Но не от них его охватил ступор. Перенеся взгляд выше, увидел лицо покойной Эльзы…

– Пёс! Ты для чего здесь поставлен? Раздавлю как вошь! – раздался величественный окрик входящей персоны, самостоятельно отворившей дверь.

– Прими багаж! – продолжила она тем же тоном и метнула в него веер, украшенный жемчугом в сочетании с изумрудами и рубинами.

Рефлекторно поймав его, у швейцара вырвалось:

– Сеньора, на дворе двадцать первый век! Я виновен, но прошу такта и с Вашей стороны! Ведь я не раб и меня зовут Дэль. И где Ваш багаж?

Инанна захохотала и продолжила:

– Мразь! Багаж у тебя в руках. Я – о другом. Померещилась во мне покойница? Убитая тобою Эльза? О, ты возомнил себя слугой дьявола? Знай, душа её пришла ко мне. Пришлось удалить из её сознания всю жертвенную жизнь её и вложить часть сущности моей! Впервые я пошла на это! Ублюдок, я за тобой.

– Вы о чём? Вы о ком? – зашептал затрясшимися и мгновенно посиневшими губами Дель.

– Ваше жертвоприношение в Эворе. С твоими подонками, там, в Часовне Костей. В лунную полночь, средь неприкрытых черепов, костей тысячи монахов, вы спустили в амфоры кровь из опоенной тобой нагой малышки? Как бледнели её лик и тело на глазах у вас!

Дэль вновь ощутил себя там, стоящим перед беспомощным, худеньким тельцем девочки. Но сейчас не то животное возбуждение охватило его, а воссозданный сознанием запах её крови породил бешеные удары его сердца. Уже собственная кровь безжалостно ударила ему в мозг. Он не уловил, как её потоки нашли выход через уши, нос. Лишь с удивлением рассматривал свою, окрашивающуюся в багровый цвет, зелёную ливрею. Затем провёл по ней свободной рукой и зачем-то обнюхал обагрённую ладонь.

– О чём ты думал, снимая с её занемевшего пальца твой фамильный перстенёк? Ты подарил его ей, чтобы заманить в свои сети? А там сдёрнул вместе с кожей. Как же, ведь пропадёт жёлтый бриллиант! И улика! – не унималась Инанна.

У швейцара подкосились ноги. Он попытался опереться на дверь отеля, однако ладонь заскользила по её стеклу, оставляя ужасающий след.

Инанна добивала швейцара:

– Здесь холуйствуя, вознестись решил за этими дверями? Подпал под сатанистов в чатах… Затем себе подобных свёл в стаю мерзких тварей, чтоб от антихриста милость получить? Пролили кровь девчушки, сбежавшей от деспота-отца? Увидевшей в тебе защитника? А сейчас твою душу травит страх! Ведь стали гибнуть в муках все, присутствовавшие на ритуале! Дьявол забирает, сочли вы. Мало крови принесли ему! Вот и попытались обескровить и беспризорного Антонио? Не вышло? Его спасли служители, спугнув твоих скотов! Боле трёх дней не проживёт ни один из оставшихся! Дохнуть будете бесконечно!

У швейцара сдавило горло, дыхание прервалось. Перед ним теперь стояла мать Дэля. Она проронила:

– Дэль, на Небесах я видела Царицу. Я попросила у неё указать тебе дорогу в ад. Я прокляла тебя. Душа твоя сорвётся со скалы, на которой окажется. В ущелье с гнилью. Там пробудились демоны. Прощай!

Сеньора изящно подхватила выпавший из руки служителя отеля веер и грациозно, не глядя на ударившееся головой о мраморный пол грузное тело, хлещущую кровь, устремилась вперёд.

Постояльцы, впившиеся взорами в широкий монитор, не наблюдали за происходящим у входа. Абсолютно всех поглотили сенсационные новости. Диктор в ужасе и недоумении вещал о буре над океаном, наблюдавшемся цунами, подобному тому – трёхсотлетней давности, который в былые времена слизнул древний Лиссабон. Не могли взять в толк – как могла моментально угаснуть эта волна? Не сама ли Пресвятая Дева Мария смилостивилась в этот раз над городом и над ними?

Заставка на экране поменялась, возникло изображение центра боевого управления ВМС. Официальный представитель сообщил о потере контроля над боевым фрегатом F 336. Посыпались вопросы аккредитованных журналистов. В ответ им летели дежурные фразы о принятых мерах по поиску корабля, поднятой авиации, приведении сил армии в повышенную боевую готовность.

Один из журналистов стоял в стороне от общей массы присутствующих. Этот служитель первой полосы бульварной газетёнки обладал изумительным чутьём голодного шакала. И в этот раз он не обманулся. Заприметил нашивку разведывательно-информационного центра у суетно вошедшего в зал офицера. Тот, найдя взглядом адмирала флота, стоящего в стороне и контролирующего доклад своего пресс-секретаря, поспешил к нему. Опытному папарацци не составило труда определить мёртвую зону подхода к своим жертвам. Подслушав доклад офицера инструментальной разведки, журналист заорал на весь зал:

– Как я понял, фрегат до сих пор подаёт сигналы бедствия, а пеленги указывают на космос! Военные с ума сошли? Что происходит?

На трибуну тут же вышел сам адмирал. Залившись краской, заговорил:

– Возможно, это русские. Продемонстрировали действие вооружения на новых физических принципах. Мы склоняемся к этой версии. Фрегат вероятнее всего затонул. В результате неизвестных свойств этого удара отмечены аномальные явления в магнитном и иных полях. Об этом свидетельствует и мгновенное угасание волны под сорок метров… Нам надо разобраться. Запросили данные и у командования военной базы США на Тейсере. Мы всегда готовы дать адекватный ответ России. Мы сильны! Мы разнесём союзными силами эту империю в прах! Применим пятую статью!

Захрипев от напряжения, адмирал откашлялся в кулак и продолжил:

– Должен сообщить, что консультации в НАТО по этому вопросу инициированы. Да, и часть экипажа нами обнаружена на скалах. Как только внесём ясность в суть происшествия, незамедлительно сообщим вам. Покажите кадры!

Инанна усмехнулась, сквозь зубы зашептала:

– Каков кретин! Первородный страх перед Востоком! Пред чистотой Центра Силы! Русским явно не до тебя! Они собирают, освобождая, вновь свои народы, земли, очищая их от вашей скверны!

Затем богиня хлопнула легонько себя по лбу ладошкой. Со смехом продолжила:

– Но вед фрегат, атакующий меня, на дно отправила лично я. Исходя из адмирала слов я – русская? Ну, что ж, совсем не плохо, ведь ими занят напрямую лично Бог. Привет, Отец!

Затем перевела взгляд на портье, находящегося в толпе зрителей. Выкрикнула, уже заглушая звуки репортажа:

– Портье! Ты на работе?

Служащий обернулся, перед ним предстала картина лежащего на полу и залитого кровью Дэля. Бросился к собрату.

Инанна властно прокомментировала, спокойно обращаясь к нему:

– Я всего лишь организовала для Дэля встречу. О ней просила душа его же матери. Ему никто помочь не сможет: материнское проклятье! А у меня абсолютно нет времени! Не вызови мой гнев!

Юноша, склонившийся над умирающим коллегой, ответил на её угрозу ненавистным взглядом. Откуда ему было знать…

Под гипнотическим помахиванием веера он поднялся. Его взор, осанка приобрели черты повиновения и подобострастия. Не давая себе отчёта, ответил ей глубоким поклоном.

– Хоть один вменяем, – констатировала Инанна.

Пошла вперёд, к администратору. В движении громко заговорила:

– У меня бронь на весь этаж. На третий. Предпочитаю уединение. Деньги перечислила. Там много. Все для отеля, ошибки нет. Проверьте поступление, затем сопроводи меня. Я – Инанна, зовите меня так.

Администратор, своим чутким слухом, издалека уловил сказанное. Взглянув на монитор, он, с выпученными глазами от увиденной суммы с шестью нулями, не мысля о безвременно почившем швейцаре, выскочил навстречу Инанне и сладостно улыбаясь, закивал головой.

– У вас здесь весьма недурно, я не разочарована. Величественно, при этом нет излишества в помпезности. Как зал высок, в четыре этажа! А нежность витража над головой, во весь потолок огромного пространства! В нём небо всегда голубое? Просто прелесть! Белый мрамор стен в сочетании с багровыми тонами ткани. Минимум золота и сколь горного хрусталя! В моём вкусе. Но всё же утомляет. Довольно разговоров, вперёд!

Проходя мимо немногочисленных постояльцев, всё ещё поглощённых происходящим на базе ВМС, не отметила ни единого взгляда, устремлённого в её сторону. Абсолютно все, замерев, вслушивались в дальнейший комментарий обезумевшего командующего флотом, взявшего инициативу на себя.

Один из постояльцев, такой лоснящийся толстячок в дорогом костюме, судорожно искал в телефоне сайт по продаже противоатомных убежищ. К нему присоединились и другие постояльцы.

По команде командующего флотом на мониторе высветилась прибрежная скалистая полоса. Там, среди валунов, лежали матросы. Пришедший в себя коммодор махал рукой экипажу вертушки, с которой проводилась сьёмка.

Инанна, не замедляя движение перед телеэкраном, поднялась на третий этаж. В коридоре провела веером по кругу, словно сканируя номера. Указав на средний, заявила:

– Именно тот, отвори.

Портье распахнул дверь, в лицо ударил поток свежего, влажного воздуха из раскрытого настежь окна. В страхе бросился закрывать, но был остановлен окриком:

– Оставь это! Мне по нраву, пусть шторы мечутся! Ужин в номер. Предварительно заказала. Позаботься, чтобы не забыли лучший портвейн из долины реки Дору!

– Для Вас подать портвейн? Может быть, благородный херес? – изумился портье.

Знатная особа усмехнулась:

– Портвейн, не менее вековой выдержки. Ещё слово – лишу чаевых, да и те только.

– Я и не прошу! – ответил вдруг дерзко служитель отеля.

– Мальчишка, что за тон! Ты смел? – с удивлением спросила Инанна.

– Унижений не терплю!

– Раз ты таков, отвечу на вопрос. Портвейн из Дору любил смотритель маяка. Эктор тебе знаком?

– О нём дурная слава ходит. Своим суровым взглядом наводит порчу на людей, а сам – немой. Никто не слышал голоса его. Но почему любил, а не любит? Что с ним?

– Да потому, что час назад почил. Я не откликнулась на зов его о помощи. Он умер на моих глазах. А посему прошу подать портвейн. Он им глушил боль сердца. Желаю понять, что в напитке этом.

Указывая на туалетный столик, расположенный в глубине комнаты, к которому с момента пребывания в номере не подходила, продолжила:

– Там. Возьми из сумочки купюры! Отсчитай себе восемнадцать тысяч евро. Чтобы сбылась мечта учиться в лучшем универе. Затем ещё десяток на памятник смотрителю. С этим не спеши, поставишь осенью. Исполнишь для меня и срочную работу, полагаю – вознаграждение весьма щедро. Ты не испорчен, гнёшь здесь горб. Вообще, с чистым древом рода. Твои предки не были замараны работорговлей, захватом территорий и прочей мерзостью. Ловили рыбу, разгружали корабли.

На старинном, инкрустированном гербом города столике пылала самоцветами чёрная сумочка. Её поверхность служила полем боя для теснённых бриллиантовой крошкой знаков зодиака.

Юнец не шелохнулся, промямлил:

– Ведь сумочка не Ваша, вы к столику не подходили…

– Ещё секунда и будешь нищим, больным бродягой! Взгляни в зеркало, станешь этим, – хмыкнула дама.

Портье машинально перевёл взгляд и вскрикнул. Но тут же выражение лица поменялось. Развернувшись, Инанна увидела серое лицо, наполненное к ней презрением. Взгляд портье был настолько суров, что богиня поднялась и подошла к окну. Заговорила:

– Я не намерена пугать тебя. Ненавижу просто, когда мне в благостных делах препятствуют. Уймись и слушай.

Портье не дал ей произнести ни слова. Бросил:

– Не помогла немому, а сейчас решила замолить свой грех, пожертвовав на памятник? Да ещё и запить напитком, который был мил ему?

– Он не был нем. Проклял мир, его не раз предавший. И полюбить уже не мог. Чтобы утолять желанья плоти, ходил в салон. Ведь проститутки не изменят. И там всегда молчал. Отсюда кличка, да и разговоры. Познав об этом, замолк пред всеми.

Сделав паузу, Инанна глубоко вздохнула, затем задумчиво продолжила:

– Почему не помогла? Мои сужденья отличны от твоих. Я вижу шире, я знаю нравы Бога. А ты живёшь отелем, даже не страной. Эктор счёл, что сатана во мне. И при этом помощь запросил. У сатаны? А ты? Как ты повёл себя б в предсмертный час, явись тебе лик дьявола?

– Не знаю, честно говорю. Но ты могла спасти его, ведь ты не дьявол?

– И унизила его б навеки вечные! Не важно, кто я, важно кем он считал меня, прося о помощи. Герои плюют врагу в лицо! Уж сатане тем более. Надеюсь, ты понял.

Паренёк молчал. Инанна продолжила:

– С деньгами забери и перстень. Это тот самый, украденный швейцаром у своей же матери и дарёный им убитой девочке. Зароешь его на могиле Эльзы. Минимум на метр, под погребальным камнем. С душою матери швейцара я всё согласовала. Она прокляла его, за смерть Эльзы. Дождь замаскирует всё вслед за тобой. Где захоронена она, найдёшь без всякого труда, ноги сами приведут.

Затем вновь остановила его:

– И могилу приведи в порядок. Убирай с молитвами, я их услышу. Ведь я не только здесь. Возможно, Бог услышит, если искренне молиться будешь за упокой её души. Теперь ступай.

Портье смотрел сосредоточенно на незнакомку, стараясь запомнить все её черты.

– Ступай же!

– Сейчас. Ведь не увижу больше Вас?

– Увидишь, но не в этом мире. Жаль, ничего не понял, – со вздохом произнесла Инанна.

Благодаря прозорливости администратора, тележка с ужином уже неслась по этажу. На всякий случай был подобран и букет всевозможных напитков.

Портье в задумчивости, ничего не наблюдая, вышел из двери. Очнувшись от дребезжания посуды на тележке, в великолепном пируэте избежал столкновения с ней. Сложив руки, вознёс хвалу Богу, что уцелел и он и ужин.

– Портвейн из долины Дору? – вопросительно спросил он, обращаясь к официанту.

– Конечно же, вековой выдержки. Меня ещё позавчера пробила мысль убедить директора приобрести его. Как ни странно, он внял моим словам! Как кстати! – самодовольно ответил официант.

Пройдя несколько шагов, швейцар засунул зажатый в потной, дрожащей руке перстень во внутренний карман, надёжно его застегнув. Тут же его разум захватили мысли: под каким предлогом сбежать с работы и как найти могилу. Вдруг понял, что уже не раз бывал на ней, а на последствия ухода с работы можно просто наплевать. Страх о возможной утрате драгоценности и неисполнения приказа разрывал сердце. Хотелось до Рождества освободиться от мысли о нависшей над ним угрозе.

Возрождение из призрака. Анна Сюдов

Завершив с портье и приняв тележку с ужином, Инанна осталась наедине сама с собой. Закрыла на защёлку дверь в номер.

Подошла к открытому окну. Под порывами ветра заговорила:

– Эйн, моей сестричке, пока не стоит знать, как в первородном страхе, в луже крови, умер Дэль. Таким он и предстанет перед Судом Всевышнего. Неведома Эйн и жизнь земная, которую я изъяла из памяти её, заменив на часть моей души. Для начала девочке необходимо сильной стать, а затем историю открою, да не одну. Всё, довольно, займусь другой богиней.

Отойдя от окна, Инанна остановилась у мраморного tua comoda. Открыла пузырёк с духами. Провела им под носом. Передёрнула плечами, выказывая тем самым, что аромат особо не впечатлил. Затем наклонилась ближе к зеркалу и задумчиво посмотрела на своё отражение в нём. Проронила:

– Человек… Здесь бытует мнение, что создан ты по божьему подобию? Кто право дал тебе так мыслить? Возносить себя вплоть до Небес. Любая тварь земная, да загляни к себе в глаза. Тебе дал разум Бог, душу чистую, а чем наполнил ты её и что творишь? Созидаешь подобно Богу? Или в клочья рвёшь заповеди Господа? Ну, подобен ль ты Властителю вся сущего? Если остатки совести в тебе сохранены, то потупившись, стыдливо отведёшь ты взгляд от отражения.

Проведя рукой по стеклу, продолжила:

– Посему у смертных так много суеверий касательно серебряных зеркал.

Всё, что ранее виделось в отражении, поплыло, показав бесконечные глубины тёмного пространства. Затем, приобретя контраст, вместо номера высветилась тёмная келья, напоминающая тюремный каземат средневекового замка.

Инанна шагнула сквозь стекло вперёд, пронзая все предметы перед собой. Очутившись в зазеркалье, увидела в дальнем углу кельи нечёткий силуэт пленницы в белой ночной рубашке, изрядно грязной и разодранной. Истощённая до предела женская фигура резко поднялась. Теперь можно было рассмотреть её сполна: серо-жёлтая кожа обтягивала скелет с иссохшими мышцами. Словно ожившая мумия, с остатками редких прямых прядей на голом черепе, она развернула голову в сторону богини. На Инанну смотрели пустые глазницы. Отсутствие носа, губ, ровные ряды зубов, торчащие прямо из челюстей, вызывали ужас.

Инанна слащаво, явно демонстрируя наигранность, заговорила:

– Ба-а-а! Всего лишь пять веков уединения! Бедняжку замуровали заживо! Как изменилась: истощала, иссохла вся, но зубы целы! Не будет на дантиста лишних трат. Иди ж сюда, милашка, но только молодой, нетронутой пороком, да и заточением!

Изображение исказилось, превращаясь в трёхмерный шар. Мгновение и он вплыл в комнату номера. Началась плавная трансформация в живой образ. Инанна из кельи последовала за сгустком энергии в гостиную, пространство за ней сомкнулось.

Перед богиней стояла прелестная молодая особа

Через несколько секунд перед богиней уже стояла прелестная молодая особа в костюме для верховой езды конца эпохи великих реформ. Пышные золотые локоны беспорядочно ниспадали на высокую, упругую грудь наездницы, её ровные плечи, изящно изогнутую спину.

Дама резко крутнулась, осматривая комнату. Тем самым продемонстрировала великолепную гордую осанку, которую подчёркивала узкая талия и крепкие, казалось, стальные ягодицы. Маленький ротик с пышными губками, вздёрнутый носик и восточный загар придавали

ей милый, в то же время капризный и своенравный вид. Об этом свидетельствовал и насмешливый

взгляд ярких синих больших глаз. Уверенно и профессионально зажатый в руке хлыст говорил в то же время, что это миловидное создание запросто даст отпор каждому, кто посмеет дерзнуть пошлостью.

– Анна, присядь на диван, – повелела Инанна.

Молодая госпожа, без слов, покорно исполнила просьбу богини. Аккуратно разместившись, в лучших манерах держа позу, проронила:

– Я освобождена? Но кем? Как понимаю, моя душа была под властью дьявола. Ты из его команды?

– Нет, не так. Тебя не приняли, да и не примут ни Бог, ни сатана, – спокойно возразила Инанна. – Даже ад противится тебе!

– И кто же ты? – выпалила Анна.

– Из неотложной службы. Откликнулась на вопль твоего сознания. Представляю некое чистилище. Оно и есть, и нет. От церкви всё зависит: католики трактуют так, а православные не так. Без тройки рюмок шнапса не понять. Однако, не будем рассуждать о догмах, настало время по оказанию тебе психиатрических услуг, – зло рассмеялась Инанна.

– Меня уже ничем не разочаровать, да и не исцелить. Душа пропала. И без неё мне больше нечего терять, – с ненавистью, чеканя слоги, ответила Анна.

– О нет! Пропала? Её у тебя никогда и не бывало. Ты такой вот самородок. Но не зарекайся. Душу я в тебя уже вложила. Напрокат и ненадолго. И ты, зверёк небесный, сыграешь роль свою в одной игре. Всего лишь роль.

– Поясни, ничего не понимаю!

– Ты здесь не для моих уроков! – возразила Инанна.

– Хоть ответь, почему и в ад дорога мне закрыта?

– Ты ведь, по своей природе, прозябала существом бездушным. Душа лишь у людей, а в аду сжигают души.

Анна перебила, вскричав:

– Душа была! Я помню всё с рождения! И что я, не человек? Да и добро несла я людям.

Инанна усмехнулась, остановила словоблудие воскресшей:

– Добро несла, пока не сбежала от отца! А до рождения кем была? В прежних жизнях, коих нет у смертных. Об этом узнаешь после, в конце игры!

– Так кто же я?

– Сказала, после! А сейчас ответь по делам последней жизни! Будучи любовницей курфюрста Бранденбургского, сколь душ отправила в загробный мир? – резко спросила Инанна.

– Не считала. Десяток, может больше, – остепенившись, задумчиво протянула Анна.

Затем резко развернувшись к Инанне, скороговоркой запричитала:

– Но ведь за дело их травила… Они пытались обольстить его! Иоахим – свеча, я – пламя, вместе мы пылали и дарили свет. А эта похотливая к богатствам моль летела на сияние моей любви. Моей! Чтоб до дыр жрать и жрать её!

С этим криком её свежие, влажные губки задрожали. Сменив вопль на шёпот, продолжила:

– Одна из бабочек сгорела, другая – хлором взаперти дышала долго. Да и иные… Но ведь они… Все до единой, приняв впервые приглашение в дворец, не осмотревшись даже в нём, тут же проявляли невиданную наглость. Какие взгляды они дарили моему владыке! Какие знаки подавали! Твари! Но не предполагали, что их за это настигнет смертельный рок. Не мною посланный, судьбой.

Анна умолкла, пытаясь уловить настроения Инанны. Ничего не увидев в выражении лица богини, повторила попытку убедить её в своей невиновности:

– Курфюрсту я родила двоих детей! А дамы из окруженья были так глупы и дерзки! Посчитали, что князь объелся мной, насытился моими формами! Значит, они и вправду моль, а не люди вовсе! После кончины первой, второй, иные могли б встревожиться и найти другой очаг! Зажечь его! Ведь дворец – гнездо разврата! Так нет, осыпая рожи мелом, считали, что в силах им задуть очаг моей пылающей любви. Мой факел залить своей отвратной похотью!

Инанна усмехнулась. Заговорила:

– Jungfrau, о, как невинно, свежо и поэтично взялась ты за партию своей защиты.

Затем подошла к Анне, взяла её за подбородок, развернула лицо к себе и, заглянув в сверкающие глазки, зло констатировала:

– Всего лишь моль? Да как изобретательно ты её губила. Ни единого повтора! Ну, и если моль, то и совести мук ноль! И как я поняла, курфюрст – фитиль, ты – воск. А я, вот, скульптор. Сначала разомну тебя в своих руках, затем, надеюсь, вылеплю что надо. Но пока продолжим разговор.

Инанна резким движением отшвырнула от себя милое личико Анны. Заговорила:

– Скажи, сколь свеч зажгла? С сынком курфюрста, с Георгом, ты пылала посильнее, чем с князем? Спала с двумя, и оба были так довольны. Скажи, папаша, правда, вовсе был не в курсе? Иль он тебя и под сына подложил? А наследный принц, лаская нежно ножки шлюхи, забыл о том, как мать страдала? Она-то, всё знала, но молчала.

Инанна нависла над белокурой бестией и продолжила:

– А вот когда его папаша официально провозгласил тебя своей? При живой-то мамочке! Сынок вскипел, не подавая виду. Ведь мать отец вознаградил позором на публике дешёвой. И сын стал ждать отца кончины, чтоб выместить всё зло за осмеяние сей царственной семейки. Расправа над тобой смыслом жизни стала для него.

– Она сама неверна была курфюрсту. Свернула спину в своём охотничьем домишке, гуляя там с придворными мужами! – пискнула Анна.

– Не так. Упала со скалы. Ты распустила слух об её неверности. Прилично заплатила, чтобы он разнёсся по дворцу. Уж мне-то и не знать! – с презрением в голосе возразила Инанна. – А мать толкнул бандит, тобою нанятый. Его ведь не нашли? Курфюрст не пожелал скандала: половица в домишке надломилась.

– Да не нанимала! Да, а с юнцом я продолжала спать! Ведь он – скотина. Мстила, развращая.

– И что сынок испытывал во время близости с тобой, о чём он думал? Его все мысли у меня! О них не буду – это скверно! Одно лишь верно – он тебя желал! Желал и ненавидел. Сознание его от этого разрывалось на куски. А после смерти папеньки, не в состоянии порвать с тобой и учинить расправу лично, тайно отдал тебя под суд. Прошептал советнику: «Пусть я останусь в стороне». По решению суда тебя всего лишь надлежало выселить с его земель. Реально же прислужники, воссевшего на трон наследника, тайно заточили тебя навеки в замке. О келье даже сам вновь испечённый князь не знал. Тем самым, двор в мщении обрубил концы!

– Такого от него и их я не ждала, бросила Анна, тут же надув щёчки, сомкнув губки.

Чуть помолчав, Анна продолжила:

– Там, в Шпандау, умирая долгие два года, я сошла с ума и хохотала. Представляла, как он стонет ежедневно от безутешной ломки, от желаний его плоти, жаждущей меня. Тебе ведь должно быть ведомо, какие картины в сознании своём рисовал тот похотливый извращенец?

Анна встала, возбуждённо заходила по комнате. Сцепила пальцы, сжав их добела:

– Лекари Георга предписали мне «милую» диету, даря тем самым анорексию! Смерть меня любя брала в свои объятия. Она была ленива и нежна. Два года, целых два, с ней соседствовала я, вела беседы, пока не иссохла до костей. Затем она ушла, оставив высохшее тело и смотрящую на это душу! А душа куда-то делась…

– Мерзкое создание! Не душа, а лишь твоё сознание! И оно не покинуло мумию твою! А вот соседствуя со смертью, ты смогла её разжалобить! В результате, она не прикончила тебя, оставив призрак! В ту ночь, став приведением, ты завертела всем двором, доводя придворных до безумия. Вспомни вояжи в их спальни! До сих пор ты ничего так и не поняла.

– Предъяви ещё вчерашнее! Они сами бросились из башни на камни мостовой! Эти две бесполые, отпетые. Под видео, для пополнения кошелька, решившие заснять обряд совращения призрака. Да вся новая Европа – Садом! Гоморра! Не велика потеря в этих странных людях, здесь извращенцы через одного! А вот их падение с башни? Просмотр – двадцать три миллиона! Каков у них посмертный рейтинг! Как я его им подняла! Прости же, Боже, двух покойниц.

– Мерзкая убийца себе подобных. Пройдёшь чрез ад, но на Земле. Контракт уже в твоём сознании.

– Ну, нет. Всё же проясни, кто ты? В контракте – Инанна! Это что?

– Не что, а кто? И это я. Без вопросов подпиши контракт! – бросила богиня.

– Нет, торг так не пойдёт, отправь обратно! – надменно ответила Анна.

Инанна со вздохом развернулась и подошла к открытому окну. Опёршись руками на подоконник, стала рассматривать веселящихся, нарядных прохожих. Зло усмехнулась. Затем посмотрела в небо и с усмешкой проговорила:

– Как надоело мне с ней возиться.

– Что? – не расслышав, переспросила Анна.

Инанна развернулась. Равнодушно бросила:

– Что? Характер скверный у меня. Вот что. И торг не выношу. И что ещё? Ненавижу чьих-то оправданий. Ведь они, по сути, те же обвинения, но уже в мой адрес. Мол, не ты, а я не знаю что-то, иль не учла, иль не так сужу, как надо бы. И перечить мне? Кто может сметь? Разве, только сам Господь!

Вслед за этими словами её взгляд остекленел. В мгновение ока всё исчезло в непроглядной тьме и безмолвии. Холод сковал тело Анны. Миллионы ледяных игл пронзили мозг, плоть.

– Ни в рай, ни в ад и ни назад, где кости тлеют в келье! Забвение в кипящей плоти, которую на время я тебе ссудила! – шипя, продолжила Инанна. – В твоих костях так много кальция! Вгоню-ка атомы его в димеры[7], чтоб электроны на ядра пали! О, каков бриллиант на шее! Подарок от курфюрста. Перед заточением за щекою прятала? Превращу его в графен. Укроет тонкой пеленой он те димеры!

Но Анна уже не слышала её. Электроны плоти её ринулись на ядра в атомном коллапсе. Родилась антиматерия, пространство пронизали потоки позитронов.

Богиня поглощала мощнейший энергетический коктейль, не допуская гибель мира.

Вспыхнул свет. Инанна посмотрела на лёгкое облако энергии, витающее над старинным паркетом: на то, что осталось от возлюбленной бранденбургских курфюрстов.

Махнула веером и взглянула в зеркало над туалетным столиком. Там вновь маячил истощённый призрак.

– До тебя дошла разница меж нами? – снисходительно спросила Инанна. – Иди сюда.

Анна, с ужасом в глазах и со страшной гримасой на лице, упала на колени. Обняв ноги Инанны, зашептала:

– Не губи!

– Подписывай контракт, быть может, далее получишь шанс. И не унижайся. Срам!

– Подписала, подписала! – выкрикнула Анна.

– Не оступись! – ледяным тоном промолвила Инанна. – Слушай.

---

[7] Димеры – сложные молекулы, в данном случае атомные пары кальция.

Вновь преобразившись, Анна красовалась перед богиней. Спесь сгинула. Не помня полно, что произошло, сохранив лишь фантомы чувства дикой боли, она испытывала перед Инанной жуткий страх.

– Ты готова? – спросила Инанна более спокойным голосом.

Анна запричитала:

– Я пять столетий призраком витала. И по контракту опять всё сначала? Страшен мне возврат в те времена.

– Так не к курфюрсту же! – бросила богиня. – В старый Лиссабон. К инквизитору Энрике. И что за страх? Я буду рядом, да и в тебе порой. Ещё вопросы?

– Когда умру?

– Не буду лгать. Сегодня.

– Как? Воскреснув, тут же умереть? И миссия?

Инанна усмехнулась и спокойно пояснила:

– Сейчас уйдёшь в глубины прошлого. Я поменяла там твою судьбу. Никаких оков и заточения. И жизнь Андреаса, твоего отца я изменила, он не руководит ружейной мастерской курфюрста, а отныне – рыцарь. Теперь имеет замок и владеет землями обширными с крестьянами. Есть и мануфактура. Он, как воин, тебя учил сражаться. От тренировок, травм ты не раз страдала. Поняла?

– Угу.

Инанна продолжила:

– Андреас, с членами союза, помог курфюрсту забрать у его же брата власть над спорными владениями. Иоахим вознаградил за это твоего отца. Отец, заручившись поддержкой князя, отправил тебя «взглянуть на мир».

– Куда? Я не выезжала!

Анна усмехнулась и продолжила:

– Я устрою. По третье сентября тысяча пятисот сорокового года будешь путешествовать. Для тебя – во всех красотах Китай и Гоа, побережье Африки. Третьего сентября, на последнем запоздавшем корабле армады, дойдёшь до Лиссабона. Первое знакомство с Великим инквизитором Энрике – на Дворцовой площади.

– Была с курфюрстом, а сейчас подложишь меня под изверга? Сдурела? – взвизгнула Анна.

Инанна расхохоталась и продолжила:

– Пока он девственник и обет безбрачия лежит на нём. Грех примет на себя, но не с тобой. Ты лишь пощекочешь ему там нервы. Я помогу, породнюсь на время сознанием своим с твоим. Роль в другом. Там поможешь уйти от инквизитора некоему Иосифу, лекарю из Королевского госпиталя. Я вас сведу. А уж, что касаемо твоей личной жизни, то это – без меня.

После короткой паузы продолжила:

– И так. В твоём распоряжении пятьсот лет разных жизней до сегодняшнего дня. Из раза в раз тебя будет настигать смертельный час. С каждой смертью тут же возродишься вновь младенцем, но помня всё предшествующее! В том и есть твоё отличие от всех живущих. И этот дар тебе преподношу за исполнение контракта. Затем, сегодня, по прошествии пяти веков, верну тебе то, что мной у тебя отнято: открою, кто ты есть. Но срок существования на Земле я для тебя предопределила этим часом! Хотя, может и изменю, по воле Бога.

Внезапно раздался стук. Под взглядом Инанны щёлкнул замок, на пороге отворившейся двери показалась стройная, с тонкими нежными чертами лица дама в деловом тёмно-синем костюме. Её лик и пышный, светлый, золотистый волос завораживал.

Войдя, приблизилась к Инанне. Спокойно, не приветствуя, проговорила:

– Полагаю, у меня есть время посетить имение?

– Без вопросов, до полуночи, – спокойно ответила Инанна.

Женщина развернулась к Анне и пристально всмотрелась в её лицо. Захотела что-то ей сказать. Инанна окриком предостерегла:

– Посмей мне только. И магма ада для этой молодой покажется прохладой, в сравнении с тем, что сделаю.

Дама усмехнулась. Повернулась к Инанне, заговорила:

– Тогда не стану времени терять, я – в поместье, на могилу Альфрамо.

– Не торопись, разговор продолжим без этой молодой. И у меня ещё есть дело, жди, – ответила Инанна.

– Тогда я отдохну с дороги, пока ты её отправишь сквозь века, – проговорила дама и, молча развернувшись, ретировалась в спальню. Безмолвно легла на ложе, скрестив руки на груди.

Кровь отхлынула от лица Анны. С придыханием спросила:

– Кто она?

– Кто она? Не узнаешь себя, прошедшую чрез пять столетий? Так отправляйся в путь! Через мгновение ты очнёшься в каюте корабля шестнадцатого века. Умойся там и выходи на палубу. Причал так близок. До встречи. На пристани вселюсь в тебя, – проговорила Инанна.

С исчезновением Анны, Инанна достала лёгкую накидку. Усмехнулась, подумав:

«Приходится грешить. Вот, изъяла нагло шубку у француза, готовую к всемирному показу на плечиках вновь испечённой мисс Вселенной. Но спросите вы у Бога, кто всё-таки Вселенная? Я, иль та?»

Выйдя из номера, спустилась в холл гостиницы. Там работала группа криминалистов. Комиссар просматривал содержимое телефона покойного.

Увидев боковым зрением идущую на выход Инанну, выкрикнул ей вдогонку просьбу задержаться.

Та, не обращая внимания на возгласы комиссара, вышла на улицу. Тут же растворилась в сумерках.

Озадаченный страж закона, выскочивший вслед за ней, не найдя её взглядом, вернулся на место происшествия.

– Удивительно исчезла! Растворилась. Займись розыском! – приказал он одному из инспекторов.

Двух других направил на осмотр номера.

Спустя время, капитан, осмотревший апартаменты Инанны, нёсся к комиссару, выкрикивая на ходу:

– Там другая женщина. Скорей всего – мертва!

Комиссар с криминалистами ринулись наверх.

Тем временем Инанна уже находилась на площади Россиу. Снег, припорошив прозрачным покрывалом уложенную под морские волны плитку, сгладил контраст её разводов. Ветерок, подняв лёгкую позёмку, создал эффект прибоя.

Паря над этими искусственными волнами, Инанна направилась к театру Святой Марии, на месте которого, в прежние века, до пожара, располагался зловещий дворец Эстауш с резиденцией инквизитора-мора. Остановившись, произнесла:

– Энрике… Я следую к тебе, на пять веков назад. Жди ужаса, тиран. Подготовлю почву для вашей встречи с Анной, уберегу её от твоих клещей.

Инквизитор-мор Энрике. Шестнадцатый век

В центре Лиссабона на площади Россиу, у левого крыла дворца Эстауш, болтался на высокой виселице труп морского офицера. Тройка тайных агентов инквизиции обсуждали судьбу несчастного, решившего в Фернандо-По сбыть старую корабельную пушку местному вождю племён буби. Бедолагу разоблачили, первым кораблём возвращавшейся армады доставили в метрополию и тут же вздёрнули без проволочек.

Обычные горожане обходили этот дворец стороной, предпочитая прокладывать свой маршрут вдоль расположенного рядом Королевского госпиталя в тени его великолепной арочной галереи. В самом же Эстауше, до недавних времён, поселяли пребывавших в городе именитых иностранных персон. Но год назад дворец был передан под резиденцию инквизиции. Этим страх люда и объяснялся.

Инквизитор-мор Энрике: молодой, высокий, жилистый и полный сил младший брат короля Португалии Жуана III, выскочил чуть ли не на ходу из подъехавшей ко дворцу кареты и, не глядя по сторонам, ворвался в свою резиденцию.

В Эстауше мгновенно всё застыло, смолкло. Энрике взбежал по лестнице, никого не замечая, и быстрым шагом направился к личной молельной комнате.

На подходе к ней зашептал:

– Этот маран! Кто мог позволить ему? Плюнуть мне в лицо! Кровью! Эта сволочь, растянутая на барабане, с вывернутыми суставами! Казалось, что этот банкир уже мёртв! И тут, – плевок! Я раскалёнными щипцами вырвал у него сердце! Я лично! Как ты, Матерь Божия, не уберегла меня от этого?

С этими словами Энрике стал вытирать руки о свою мантию. Вновь зашептал, уже остановившись у двери:

– Но никто не узнает. Нотариус тут же опоил палачей. При мне сдохли. Но выпил и он сам, из моего кубка! Мария, виновен во всём он, и только он. Ведь не упредил, не заслонил меня! И Бог наказал их всех! Моею рукой! Одни сволочи вокруг.

Зайдя в молельню, распластался крестом, лицом вниз перед статуей Девы Марии, зашептал:

– Пресвятая Дева Мария. Ты ближе всех ко мне. Ты Великий Проводник между мною и Богом. Каюсь за то, что страх обуял меня на мгновение. Как он мог вновь овладеть мною? Ведь не сам ли Бог даровал мне индульгенцию карать Его властью на моё усмотрение? На моё!!!

Инквизитор поднялся на колени и сжал руки в кулаки. Заорал:

– Ты что, не слышишь? Карать! Во имя Его же защиты здесь, на Земле! Караю стадо, защищая Бога от копыт безумно мчащихся быков! Я караю лишь во имя Его! Так ты, Дева Мария, донеси до Него, что я твёрд в вере в Отца нашего и ничто, и никто не сможет её поколебать. И не дьявол направил мою руку на убийство сефарда[8], а это сам Господь решил испытать меня в моей твёрдости служить ему. И испроси у Бога милости, чтобы ни один раб Его на Земле не уличил меня в том, что я обагрил руки свои. Да не дойдёт до Ватикана весть, что сам Энрике без суда лично вырвал сердце у врага Божьего.

Во дворце продолжала стоять тишина вопреки тому, что у квалификаторов и иных служителей трибунала дел оставалась уйма: дурное настроение инквизитора привело большинство в трепет. К тому же и усталость дала о себе знать каждому: прошедший день в резиденции был наполнен рассмотрением десятков дел по обвинению в ереси. Ведь до кульминации аутодафе: массовых шествий, оглашения и публичного приведения приговоров в исполнение, пылающих

[8] Сефард – в данном контексте потомок евреев, которые были изгнаны из Испании в конце пятнадцатого века и поселились на момент описываемых событий в Португалии.

костров с жертвами оставались считанные дни. Костры на площади должны были напомнить подданным великой империи, каков запах горящей человеческой плоти и, конечно же, что есть такое – истинная власть католической церкви и короны. Деспотия возрождалась в самых худших её проявлениях.

Инквизитор недолго каялся перед статуей Матери Божьей. Поднявшись, пренебрегая религиозным этикетом и возданием почестей, молча покинул молельню.

Зайдя в спальню и упав в постель, тут же сомкнул веки. Постепенно стал приходить покой. Приятная тяжесть во всём теле вдавила его в мягкое ложе. Мысли потекли медленнее, но всё же ещё не оставляя его.

«Костры! – пронеслось в сознании инквизитора. – Соберётся обезумевшая, ликующая в экстазе многотысячная толпа. Не осознающая, что на следующий день после сожжения одних, другие, из этой беснующейся в эйфории массы, будут схвачены и заточены в казематы в ожидании огня. Но познать эту простую истину им не дано. Ведь каждый пришедший на площадь – изначально сам безумный палач. Толпы лающих псов. И им не свойственен разум. Я – слуга Господа и сжигаю бешеных псов. И среди них я избираю лишь неугодных Богу, поступаю так для того, чтобы удержать всех этих зверей в узде. В их природе – жажда убийства. Все в землях от Рима до Лондона – беспощадные ублюдки. Дай на выбор любому из них: землю или возможность растерзать невинного соседа, и случится последнее. Они не только рабов считают тварями, но и даже своих ближних. Только моя власть и власть брата останавливают их от…».

Дремотные размышления молодого деспота прервало громкое стрекотание цикад. Глаза Энрике мгновенно открылись. В недоумении проскочила мысль:

«Откуда здесь цикады? И насколько странен этот звук. Схож по звучанию, но особенный. С каким-то смыслом, содержанием. Не к добру».

Резко выбросил корпус вперёд, чтобы сесть в кровати. И ужаснулся.

– Тело! Моё тело! – прошептали его губы и сомкнулись.

Он ощутил, что не поднялся и продолжает лежать. Плоть не повиновалась ему: сесть не удалось. Парализовало и губы. Затем пришло беспамятство. Он видел по-прежнему потолок, но уже не мог понять, кто он и где находится. При этом мысли текли своим порядком, пытаясь восстановить память и поймать вдруг покинувшее его самосознание, собственное «Я».

Едва отведя взгляд от сводов и посмотрев в сторону ног, он тут же захрипел. О ужас! Обзор ему заслоняла его спина. Она вертикально выходила из его же таза. Но сам он лежал!

«Нет! Я не мог сесть в кровати. Я же лежу! Передо мной не моё тело, это его призрак. Сквозь эту спину я вижу стены. И кто это? И что всё это? И кто я?», – пронеслось у него в голове.

В следующий момент он увидел, как тот, спина которого представилась его глазам, резко вскочил, окончательно выходя из него и отделяясь от его тела. Затем тот бросился в угол. Этот тёмный, полупрозрачный, абсолютно нагой его двойник смотрел в сторону входа в покои и изгибался в страхе. Вздёрнул руки к голове, прикрыв ладонями в защитной позе лицо. Страшная гримаса исказила правильные черты того молодого лица.

«Это моя тень? Или…», – родилась в голове лежащего мысль, но была тут же прервана громким тонким хохотом, исходящим со стороны дверей.

Лежащий, насколько можно, скосил глаза в сторону. Там стояла женщина в пылающем багровым огнём платье с вуалью на лице. Она протянула руку вперёд, указывая на призрака и всё ещё не прекращая свой смех.

Внезапно смолкнув, уже зычным голосом бросила:

– Как жалок, прикрылся бы. О чём ты мыслил там, в постели, когда душа ещё была при теле? Сам ты пёс, лающий на стадо! Во что народ вгоняешь страхом, тем он и отвечает, становясь безумным.

Дама двинулась вперёд и присела в кресло. По спальне пошли отблески огней от её сияющего платья. Откинувшись чуть назад, в вольной позе, насмешливым тоном продолжила, обращаясь к покинувшей тело душе:

– Не банкир-маран, а я плюнула тебе в лицо. И как видишь, жива, да и весела. Попробуй, вырви сердце у меня. Антихриста слуга, уже и лично стал пытать. И по всей жизни грабишь, истязая. Чтобы другие в страхе последнее отдали. Я избавила марана от страданий твоей рукой, твоей! Ты сейчас под большим вопросом: ни жив, ни мёртв, ну и просто гол, совсем-совсем, до неприличия. Как душу вынесло из тела! Ух!

Бесстыдно, сверху вниз оглядев наготу душонки инквизитора, Инанна отвела взгляд на его покоящееся тело и заговорила зло:

– Я здесь не для нравоучений. Для тебя – я сущий дьявол! Вот тело и мозг его в беспамятстве полнейшем. Душа ушла и с ней все смыслы. Как вжалась в угол! Энрике, представь, могу с утра отправить тело блуждать по городу. Тупое, без одежд. Народ всё свяжет с гибелью банкира, палачей, нотариуса. Сам понимаешь, что за молва пойдёт. А я зацеплю и короля. Мозг вырву и из него. Что будет с вами и с Империей? Ведь вы одной династии – Ависской. Два братца. А Карл и Святой Престол отреагируют мгновенно. Но лучше как? Этому пока не быть?

Душа Энрике закивала в знак согласия головой.

– Как мудр ты! Всё оценил мгновенно. Ублюдок, по сознанию обогнавший время на столетия. Владеешь шестью языками? На каком поговорим?

Инанна поднялась, резко схватила за глотку душу инквизитора и швырнула её в постель, воссоединив с телом. Наклонившись над лицом Энрике зашептала:

– Продолжим на латыни. Альфрамо, фармацевт, тебе знаком. Не знаешь, что он православный? Поясню, мальчишкой из Греции мигрировал сюда с родными. А туда пришли с Руси. Его отцу и матери пришлось принять под вашим прессом догмы. А вот сын остался в стороне.

Ударив Энрике ладонью по щеке, зло и громко продолжила:

– В себя приди! Альфрамо не вздумай тронуть. Такие не должны страдать из-за Великого раскола. Церковь раскололась не по воле Бога, а из-за неуёмной страсти к безраздельной власти, алчности. Довольно, всё просто – не тронь Альфрамо. Да, кстати, он предотвратил убийство. Альфрамо считает низким тайно убивать.

Голова Энрике вздёрнулась, взгляд сосредоточился. Инанна усмехнулась и продолжила:

– Да, речь о тебе. Альфрамо подменил яд у лекаря Иосифа на лёгкую настойку. А твой лекарь, Иосиф, сефард, полагает, что травит медленно тебя уж месяц. По его расчётам, ещё недели три, и ты должен будешь захиреть.

Сделав паузу, глядя в расширившиеся глаза Энрике, богиня вновь заговорила:

– Удивлён? Так слушай! Утром твои арестуют Альфрамо и тебе доложат. Повторю, его не тронь, отпустишь. А с Иосифом поступай как знаешь. Но до суда он должен жить! Не убивай до казни! Понял? И арестуешь только через два часа после его встречи с Анной.

– Кто она? – прошептал Энрике.

Инанна усмехнулась, завершила разговор:

– Она – красотка. В прежней жизни фаворитка курфюрста Бранденбургского. Но мной дарована ей жизнь иная – дочери рыцаря из окружения князя. Она путешествует и прибудет с последним кораблём твоей армады. В полдень. Сам выйдешь к Королевскому дворцу. У пристани её увидишь и узнаешь. Об этом позабочусь я. Повторю, для тебя – я дьявол! Лишь для тебя. И Бог не защитит, поскольку ты душу осквернил, обогащаясь на костях.

Лицо Энрике выражало предельное напряжение. Все мышцы тряслись, чтобы преодолеть силу Инанны и вскочить, наброситься на неё. Испытанного унижения он перенести не мог. Так ему казалось.

– Я тебя ещё не унижала, – спокойно констатировала богиня, считывая его мысли. – А посему не испытывай моё терпение. Да, и оставайся сам собой. Пусть всё случившееся покажется тебе лишь жутким сном, но вещим. Сном…

****

*****

Уже с рассветом Великий инквизитор-мор восседал в высоком, тяжёлом кресле, ничем не уступающем трону его старшего брата – короля Португалии Жуана Третьего. На его молодом, красивом лице блуждала тень глубокого раздумья: не давал покоя ночной кошмар.

«Это ощущение. Раздвоение… – думал инквизитор. – Я же был без памяти при теле и одновременно при памяти, но без тела. Я, осознающий, что покинул тело, в то же время лежал обездвиженным и не мог понять, кто же я! И она… Золотой подбородок. О нет, это был не сон! Дьявол…»

Холодный пот покрыл всё тело. Но тут же ему на смену пришло удушье, затем кончики пальцев забарабанили по столу.

– Ну, нет! Не одолеешь, хватит! – взревел Энрике и, освятив себя, стал целовать крест.

Переведя дыхание, несколько успокоившись, заявил сам себе:

– Довольно, дел полно!

Взяв себя в руки и отогнав ночной кошмар, ушёл в размышления о делах насущных. Мысленно весь свой внутренний гнев направил на братца-короля. Чем не лучшее лекарство.

Дело в том, что год назад, предшественник Энрике, инквизитор Диогу да Сильва, повторно назначенный Папой на этот пост, вызвал крайнюю немилость короля Жуана. Сначала Сильва, служивший у короля ближайшим советником, бросил монарха и умчался в Рим за кардинальской шляпой. А возвратившись, проявил свой гонор, не пожелав возрождать аутодафе и массовые расправы, к которым понуждал деспот-монарх, ведомый женой-испанкой Катариной. Катарина, сестра короля Испании Карла Пятого, Великого Императора, изгнавшего даже самого Папу Римского на остров, пылала ненавистью к маранам, наводнившим Португалию после их изгнания из Кастилии и Арагоны. Жена-королева не учитывала того, что именно они несли в Португалию прогресс и деньги. Её волновало одно – как отобрать у них последнее и прикончить особо ретивых. А тот Сильва, при поддержке Великого Престола, не только бездействовал, а даже стал помехой в реализации кровавых планов.

Король, узнав, что Сильва осмелился не только противиться его воле, но и стал собирать на него компромат, тут же молниеносно вышиб его из кресла инквизитора, любезно предоставив этот пост своему младшему брату Энрике, готовому идти на всё ради абсолютной власти и золота.

Короля не в полной мере устраивал и Энрике. По его мнению, Энрике затягивал с массовыми репрессиями. А посему, король взял, да и убил через наёмников предателя иудеев Баштиаму Роиша. А убийство свалил на самих же иудеев. Чем не помощь братцу-инквизитору для обоснования массовых репрессий и началу тотального религиозного террора?

Только вот Энрике воспринял это по-своему: тайное всегда когда-то становится явным, тем более иудеи весьма успешно подкупали в Риме папский двор. Энрике вспомнил тот разговор с королём. Как важен был тогда Жуан, заявляя молодому инквизитору:

– Мне вновь пришлось взять инициативу в свои руки. Ты понимаешь, о чём я. Надеюсь, что найти «истинных» убийц ты будешь в состоянии? Полагаю, там целая организация. Сделай это скорее, чтобы, чего недоброго, ещё нас не оклеветали изворотливые хитрецы.

В тот момент, отвечая поклоном, Энрике думал о другом. О том, что озлобленный за лишение поста инквизитора кардинал Диегу да Сильва начнёт ковыряться в этом деле через свои возможности и выйдет на след короля. Так оно и случилось. И вот сейчас не король, а сам

Энрике должен был зачищать через трибунал, да и иначе, истинных свидетелей. Самого Диегу король и Энрике трогать боялись, исходя из близости того к Святому Престолу.

Энрике вызвал своего первого помощника и обратился к нему:

– Ложный донос Сильвы в Рим по участию монарха в организации убийства Баштиаму Роиша. Что сделано?

– Не беспокойтесь, Ваше Высокопреосвященство. Посланник Сильвы бесследно исчез в начале пути. Донос с протоколами тоже. Впрочем, как и свидетели, – отрапортовал помощник. Судьба наказала их, а доказательствам больше неоткуда взяться.

– Я не только об этом. Самому Сильве рот заткнули?

– Да. Весьма аккуратно. Наши подношения Джанпьетро Карафе дали свои плоды. Кардинал направил из Рима своего посланника. Он вчера довёл до Сильвы, что Святой Престол и орден Театинцев не желает осложнений в отношениях с Вашим братом Жуаном, а тем более с королём Испании. Посланником сделан однозначный намёк на то, что и сам моралист Сильва может поплатиться головой. Сам Рим намекнул.

Энрике удовлетворённо хмыкнул. Помощник завершил доклад:

– Да, в конце концов, убитый Роиш всего лишь предатель маранов, а с предателем надобно поступать так, как поступил Жуан. Независимо от того, кого Роиш предал.

Энрике внимательно всмотрелся в глаза помощника. Заговорил:

– Ты полагаешь, что король убил? И Баштимау был дураком? Может, ты болван? Король не убивал, а мы лишь подкупаем Святой Престол, чтобы Сильва не купил раньше нас!

– Помилуйте, оговорился, – покраснев, ретировался помощник.

– Ты уверен, что Сильва заткнётся? И кардинал Карафе не предпочтёт двойную игру? Взяв деньги, не сыграет ли затем против Жуана и меня?

– Кардиналу довели и Вашу мысль о епархии, которую Вы желаете ему передать в управление. Сообщили и сумму постоянного дохода, каковы там пожертвования, сборы. И о возможности наследования епархии сыном кардинала. Он желает через месяц прибыть лично. Ознакомиться, – рапортовал помощник.

Поднеся палец к виску, как бы вспоминая, продолжил:

– Кардинал был весьма возмущён поведением Сильвы. Дословно в гневе заявил: «Сильва ещё пытается обвинить короля перед Святым Престолом? Да и в чём? В убийстве? Он мне надоел уже с обвинениями Жуана в составлении от имени евреев фальшивых листовок с нападками на католическую церковь. Кого Сильва намерен опорочить? Наместника Бога в одной из великих империй, простирающейся от Гоа до Юго-Западных земель Америки. Да… Сильва явно пренебрёг оказанной ему милостью от Святого Престола».

– Что ещё по этому делу? – спросил Энрике.

– Мы приложили максимум усилий, чтобы трое маранов взяли на себя грехи в изготовлении тех самых фальшивых листовок. Теперь все следы ведут к их секте. Они, в ходе допроса признали свою вину и указали на десятки «заговорщиков». Потуги Вашего предшественника скомпрометированы полностью и развязывают нам руки для массовых арестов.

– Но ты знаешь, как сам Папа может отнестись к этому. Ведь всё ещё доверяет Сильве.

Помощник самодовольно улыбнулся, осознавая, что и в этом упредил самого Энрике. Ответил:

– Мы привлекли к допросу тайных ищеек Святого Престола, из числа вновь сформированного Ватиканом «Общества Иисуса». Уж они точно сведут на нет все сомнения Папы.

Энрике усмехнулся. Он уже перевербовал этих посланников Ордена Иезуитов, представляющих под видом благих начинаний, вновь созданный разведорган Католической Церкви.

– Лично отвечаешь за работу с иезуитами. Как полагаешь, мы надёжно заинтересовали их в лояльности к нам?

– Проверяем их каждый шаг. Пока полного доверия нет. Посему наши офицеры перед допросами поработали предварительно с роднёй маранов, обвиняемых в изготовлении листовок. Гарантировали спокойную жизнь членам их семей. Пообещали, что перед сожжением на костре они предварительно будут умерщвлены. Затем я лично организовал свидания осуждённых с их жёнами и детьми. Таким образом, они не откажутся от показаний и в светском суде, и перед казнью. А каковы были их раскаяния! Как они звучали в присутствии иезуитов и францисканцев.

– Хорошо.

Встав с кресла, Энрике заходил по просторному залу, так и не отпустив помощника. Шаги отдавались эхом, затем гасли в колоннадах. Внутренний ужас от ночного кошмара удалось несколько заглушить. Но было мало. Энрике стал разогревать себя нетерпимостью к Ватикану:

«Папе всё мало? Сколько денег отправлено. Подумаешь, мне двадцать семь. По законам Святого Престола на пост не ранее сорока. Так забудь, Папа, про законы, когда речь идёт об инквизиторе Португалии! Что значит возраст? Дело не в нём. Папа, Павел Третий, не пора ли тебе усмириться? Опять шлёшь очередной протест по моему назначению? А у меня свой протест тебе – сожгу на кострах пару сотен лиц „известной национальности“, которые направили в Рим твоим кардиналам взятки за опротестование вынесенных мною решений!»

С этими рассуждениями зло сплюнул на пол. Но внутренняя ярость не оставляла:

«А Катарина? Для чего брат вообще женился на ней? Сестрица Карла… Императора, вошедшего в Рим. Он Папу за глотку держит… И почему Катарина бездействует? Одно слово брату, чтобы тот Павла за щёки ухватил и посодействовал тем самым моему согласованию в должности. Иль тоже ждёт подачек от меня? Ну и так даю же этой ненасытной разжиревшей корове! Ну, ещё посмотрим, поубавлю ваш аппетит».

С этими мыслями вернулся к креслу и водрузился в него. Прошептал с усмешкой помощнику:

– У нас ещё один подарок практически готов, дозревает. Этот мошенник Хуан де Сааведра уже вынашивает свои корыстные замыслы, как предстать в испанских и португальских землях папским легатом[9]. Приискивает пособников для подделки папских булл и печатей. Смотришь, месяца через три появится у нас.

Помощник довольно закивал головой и также полушёпотом поддержал инквизитора:

– Вы мудры и терпеливы, и тем самым ловко капканы расставляете.

Энрике усмехнулся:

– Я терпелив, изловлю этого мошенника после того, как обогатится несусветно, осуществляя фиктивно от имени Ватикана контроль над местными трибуналами. Вся Европа наглядно увидит, что из-за либерализма Папы уже отпетые мошенники потеряли страх перед Престолом. Мошенники выдают себя за его посланников, опустошая нашу казну.

Амбиции Энрике были небезосновательны. Получив, вопреки воле Святого Престола, в двадцать семь лет от своего брата-короля пост главы инквизиции, он весьма успешно построил работу трибунала. Всего за какой-то год архиепископ сплёл и набросил тайную сыскную сеть не только на находящиеся под его непосредственным контролем семь епархий, а практически на всё королевство, да и за его пределы. Щупальца, созданного им спрута, проникли и в Кастилию, Арагон.

Энрике добрался и до Рима. Целью стали кардиналы, иезуиты, контактирующие с ними иудеи. Шла активная работа и в колониях.

Повернувшись к помощнику, прервал паузу:

– Что ещё?

---

[9] Папский легат – представитель папы Римского в к.-л. государстве, регионе, поместной Церкви или на церковном соборе (из Большой электронной российской энциклопедии 2004— 2017 (old.bigenc.ru).

– Весьма щепетильный вопрос. Известный Вам Альфрамо. Личный фармацевт королевы. Прилюдно превратил каплю ртути в небольшой слиток золота.

Энрике вновь прошиб холодный пот. Неосознанно вскочил с кресла. В памяти молнией вспыхнуло сообщение дьявола в женском обличии о его отравлении королевским медиком Иосифом, которому он, Энрике, также щедро платил за врачевание.

«Да, это был не сон», – пронеслось у него в голове.

Инквизитор в миг посерел и в изнеможении рухнул в своё широкое, обшитое бархатом, ложе.

Восприняв реакцию инквизитора по-своему, лицо первого помощника исказила гримаса страха. Понял, что весть довёл до инквизитора не ко времени.

Энрике же, сжав кулаки, чуть хрипловатым голосом произнёс:

– Доставь ко мне этого фармацевта, посмевшего заняться алхимией и тем самым подрывать веру в Бога.

– Ваше Высокопреосвященство. Всё уже готово для его допроса с лучшими квалификаторами и нотариусом. Последний разбирается в латыни, словно сам её родоначальник.

– Не торопись. Тащите ко мне Альфрамо. Здесь есть доселе неведомые смыслы. Да простит мне Бог нарушение порядка дознания. Ко мне этого алхимика!

Возвращение Инанны в 21 век

Для Инанны шестнадцатый век и её ночная встреча с Энрике вмиг оказались далеко позади. Она вновь стояла на той же площади Россиу, только уже заснеженной в этот яркий рождественский вечер двадцать первого столетия. Глядя на здание театра, возведённого на месте сгоревшего в давние лета Эстауша, промолвила задумчиво:

– Этот смотритель на мысе Рока… Разберусь с судьбой его ребёнка… И конечно комиссар со своим сынком… Доведу дело до конца.

Затем богиня подставила ладони под снежинки, протёрла ими лицо. Ощущения от пребывания в шестнадцатом веке тут же оставили её.

Выйдя на Rua 1^0 de Dezembro, неспеша, петляя по улочкам в сиянии рождественских огней, достигла площади Реставраторов. Вошла в холл гостиницы. Там расположились криминалисты и следователи столичного директората PJ[10]. С ними беседовал руководитель столичной судебной полиции, который, увидев Инанну, тут же лично направился к ней.

– Весьма впечатляет. Лично Вы! – с лёгкой издёвкой на чистом португальском обратилась она к нему. Продолжила:

– Главный комиссар, здесь люди только из Вашего директората? А где же коллеги из Эворы? Ни одного не вижу! Но дело ведь у них?

Тот изумлённо осмотрел Инанну. Её сверкающая накидка и пламенеющее царственное платье поражали сознание. Ударила мысль:

«Откуда ей известно об участии этого швейцара в убийстве той малолетки? Как определила, что здесь никого из Эворы нет? Что за чёрт?» Выдавил из себя:

– При чём здесь комиссариат Эворы? Швейцар упал здесь, при разговоре с Вами…

Инанна перебила:

– И умер. Во мне привиделась ему покойница. Та Эльза, убитая в часовне. Я ведь знаю, дело там, в Эворе. У вас лишь от них запросы. Да и вообще я так, промежду прочим.

Главный комиссар, познавший ранее, в процессе работы судьёй и не такую степень осведомлённости преступников, свёл брови, бросил:

– Не заговаривайте мне зубы. И тот труп, что в Вашем номере. Неизвестной женщины, без документов. Мы задержим Вас до выяснения обстоятельств.

– Она умерла? Бедняжка! Не дождалась моего прихода. Прилетела с севера России, чтобы исповедаться здесь передо мною! Русские – они все странные. Вот и она увидела во мне святую, в Москве, я там бывала. Русские… Настоль доверчивы, что и в вашу милость верили… А, вам разве жалко русскую? – изумилась Инанна.

– Исповедаться? Кошмар! Ваши документы!

– Они там, в номере. Пройдёмте, – сухо ответила Инанна.

На ходу продолжила:

– Там семь паспортов, полагаю, не украли. Той семёрки, что до недавнего так деспотично властвовала в мире. Рассчитываю на связь с диппредставительствами. Возможно, защитят от произвола местной власти.

Комиссар ошалело слушал её. Пронеслась мысль:

«Сумасшедшая? Тогда и ладно. Дело легче будет повернуть как надо».

Заявил:

– Мои нашли лишь Ваш английский паспорт.

---

[10] PJ (Policia Judiciaria) – судебная полиция Португалии, в ведении которой находится производство по уголовным делам, возбуждённым по тяжким и особо тяжким преступлениям (прим. автора).

– Плохо осмотрели, у меня ведь весь этаж. А вы искали в одном лишь номере. Но я их собрала, все до кучи. Зайдём же! – парировала Инанна.

«Когда успела? Точно – дура! Нет, косит, ведь намекнула на эту Эльзу…» – пронеслось вновь у главного комиссара.

Зайдя в номер, взору представились разбросанные на диване паспорта.

– Здесь всё было чисто, – изумился инспектор, взяв в руки тройку ближайших к нему паспортов и листая их страницы.

– Я же сказала, собрала все до кучи! Да, и там всё подлинно, не усердствуйте! Исходя из этого, прошу известить посольства! – зло проронила Инанна.

– В обязательном порядке, – бросил шеф Инанне и тут же обратился к своему помощнику:

– Бери паспорта и займись проверкой. Дипломаты быстро разберутся, их ли эта птица.

– Для начала, где протокол осмотра? Где опись изымаемого? – возмутилась Инанна. – В том числе и паспортов.

– Конечно же, Рикардо, понятых сюда! – дал указание комиссар и продолжил общение с Инанной, открыв французский паспорт. – Что вы можете пояснить по факту смерти швейцара? Вы с ним общались на входе, госпожа Зборовская.

– Уже Вам говорила. Он назвал меня Эльзой! Немыслимо! Связал меня с убитой им же девочкой. Это дело по сей день так и не раскрыто! Затем у него кровь пошла, и он упал, – отчеканила Инанна.

– Так ответьте мне, откуда, чёрт возьми, у Вас такая осведомлённость и уверенность в том, что он, именно он, убил ту несчастную? И почему вы полагаете, что он признал в Вас именно убитую, а не иную Эльзу? – вскипел комиссар.

– Мысли! Я их читаю, Бог дал мне привилегию просвечивать умы, – надменно произнесла Инн.

Комиссар взбеленился и заорал:

– К трупу, в спальню!

– Комиссар, ведь Вы на вершинах местной власти. Забыли, когда лично последний раз на убийство выезжали. Да, да. С тех пор минуло четыре года. Зачем сейчас? Не надо было Вам сюда соваться…

Блюститель правопорядка обдал Инанну холодным, колючим блеском глаз, уже полно убедившись в этот момент, что за ней явно кто-то стоит и ведёт опасную игру против него.

«Кто? – думал он. – Свои? Нет, Министр лоялен ко мне как никогда. Вряд ли ему что-то нашептал Директор. Она заявила, что гражданка семи? G—7? Американцы? Англичане? Решили скомпрометировать, но за что? Нигде ведь им не пакостил. Просто, какому-то подонку из их спецслужб нужен результат? Чтобы надавить на нашего придурка?»

Интуитивно почувствовав недоброе, не зная, что можно предпринять, указал пальцем инспектору и приглашённым понятым на дверь в спальню номера.

Зашли. Комната оказалась пуста. Не было и криминалистов с инспектором, ранее оставленных комиссаром здесь для первичного осмотра тела и составления протокола.

– Где они? – взревел главный комиссар, глядя на одного из своих помощников. – Где труп? Я лично его видел! Ты должен был быть здесь, с ними.

– Я лишь отлучился за кофе, вниз, в холл, – промямлил помощник.

– Не орите, комиссар. Я готова всё Вам прояснить, – заговорила Инанна.

Комиссар резко обернулся в её сторону. Вновь впился молча взглядом. Инанна продолжила:

– Перед тем, как склониться над трупом, Вы положили телефон на прикроватный столик. Вот сюда. Не свой айфон, а смартфон того покойного убийцы – Дэля.

Лицо комиссара покрыла испарина. Зашипел:

– Где его смартфон? Верни!

Инанна подёрнула плечами и с улыбкой возразила:

– Нет же! Не у меня! Ведь всё не так. Телефон подверг осмотру криминалист. Тот, которому три дня ещё работать. Он увольняется. Но с прессой связан он, кормился с их руки. А увидев в телефоне сцену казни Эльзы… Ну, понимаете… Тайком понёсся с ним на известный всем канал. Как он всё же ненавидит Вас…

Комиссара затрясло. Брызгая слюной, он подошёл к Инанне и зашипел:

– Труп где? Где труп?

– Да не было его. Ведь русские хитры. Возможно, услышав мужские голоса в гостиной, дама притворилась? Ох, как они умеют это делать, лёжа на печи. Лень, да немощь напоказ представить при своей глобальной, богатырской силе, чтоб затем внезапно разоружить, в прах истереть врага. Я поступила с Вами также: ушла на время, чтобы вы натворили глупостей.

– Заткнись! Где она? – завопил шеф директората полиции.

– Ищите сами. Я к вам не нанималась на работу, – спокойно ответила Инанна и подошла к окну, открыла ставни. Комнату наполнил сгусток рождественского шума с весёлыми мелодиями, смехом, песнопением.

– Закрой окно, кто позволил открывать? – заорал комиссар.

– Не надо так, да не орите! Полицейский, Вы знаете, я ощущаю впервые себя невинной жертвой. В когтях у вас. Как всё противно и до тошноты обидно, до боли в сердце! Довольно, терпеть не стану, поменяю роли!

– Что? Мне угрожать? В директорат её, – желчно отдал команду комиссар. – А ты, Рикардо, организуй перехват криминалиста. Срочно. Если он уже в телестудии, немедля изымите материалы! Криминалист явно с ней в сговоре. Видеозаписи подложны, для компрометации властей.

– Ну, не спешите, комиссар. Посмотрите новости. Там много интересного. Инспектор, возьмите пульт и включите телевизор.

– В директорат! – заорал главный комиссар.

Наступила глубокая тишина. Инанна, хмыкнув и сложив руки на груди, смотрела на Рикардо. Тот, под её взглядом конвульсивно подёргиваясь, взял пульт и включил телевизор. Опять и опять новости… День невероятностей…

Инспектору и двум помощникам, без слов комментатора, было понятно: транслировался разгар кровавой драмы убийства Эльзы в Часовне Костей. Кровь сочилась в амфору, а там, рядом с Дэлем стоял…

На лице главного комиссара заходили скулы, кровь отступила, лицо стало белым, словно простыня. Затем он медленно приспустился и опёрся рукой на стол. Опустошённым взглядом нашёл стул, сел на него, не отрываясь от монитора. Зашептал:

– Я же сказал, что всё это – подлог и провокация.

Заместитель комиссара и инспектор непонимающе, благодаря неспособности мозга оценить происходящее, переводили взгляд то на комиссара, то на экран…

– Погаси монитор, – хрипло приказал комиссар инспектору. – Это ложь.

– Комиссар, а где Ваш сын сейчас? Сама отвечу. По Вашей воле исчез. Запутывал следы, меняя паспорта, столицы государств. Сейчас осел в Бразилии? Его сожрут пираньи, – заговорила Инанна.

– Рикардо, заткни ей рот, в конце концов! В директорат её! Нет, хотя… Сначала в соседнем номере выбей признание в подкупе криминалиста и монтаже сюжета! Пусть подпишет, а затем на спуске с лестницы, со служебной… Сам знаешь, – не вставая со стула, вновь прошипел главный полицейский.

– Рикардо, не спеши и получишь срок поменьше, ведь на тебе одна лишь мелочёвка, – заговорила, смеясь, Инанна. – А толкая меня в пролёт, случайно зацепишь платье дамы и воспылаешь. Химия – надёжная защита.

Инспектор тупо уставился на чарующие переливы наряда Инанны. Она же продолжила:

– Фургон крутил колёса, направляясь в порт. Под днищем тайник с изразцами шестого века. Шестого! Отражает древнейшее Великое сражение при Оурики.

Помощники недоумённо посмотрели на Инанну.

Она продолжила:

– Комиссар, фургон столкнулся с фурой на перекрёстке. Вам через три секунды пойдёт звонок, чтобы Вы выслали на происшествие своих людей. И убрали вон оттуда PSP[11]. Ведь весь картель по вывозу реликвий работает на Вас?

На последнем слове зазвонил телефон. Комиссар машинально ответил, и пурпурный оттенок проступил на лице. Внезапно телефон перешёл в режим громкой связи. Послышался скрипучий голос:

– Комиссар, мы влипли, авария по вине нашего недоумка, транспорт арестовывают, да вышли же своих людей!

Комиссар швырнул телефон в стену. Затем вскочил со стула, ссутулившись, направился в сторону Инанны.

– Остановись! – разнёсся властный голос от двери в номер. Никем ранее незамеченный и наблюдавший молча за происходящим коренастый мужчина, с волевыми чертами лица, причёской ёжиком, в дорогом, отливающем блеском костюме стоял, опёршись на косяк проёма входной двери. Зайдя в комнату, пропустив вперёд двух крепких парней в плащах, продолжил:

– Да, наворотил, ты, сволочь! Долго отмываться будем.

Парни из спецназа, заломив руки комиссару за спину, разоружили его.

Инанна с презрением обратилась к задержанному:

– Ты был на верхних этажах. Но под тобой всё рухнуло. Внизу арматуры прут торчит, а притяжения земного сила не знает сострадания. С тобой я отыграла и с твоим сынком за Эльзу.

Развернувшись к отдавшему приказ на арест комиссара и не представившемуся ей полицейскому чину, тактично обратилась:

– Синьор, позвольте, я в соседний номер.

– Не помешаю, если с Вами? – вежливо спросил он.

****

****

Зайдя в номер, Инанна резко обернулась к сопровождающему её мужчине.

Тот тут же заговорил:

– Позвольте представиться. Национальный директор юридической, или как принято называть, судебной полиции, – начал он.

– Знаю, знаю, – перебила его Инанна. – Испортила Вам настроение в Рождественскую ночь?

– Не то, чтобы очень, – ответил Директор. – Министр сегодня всё же изволил прочитать доклад Дисциплинарного бюро. По комиссару, последний, из тех трёх, которые ему я направлял. В конце концов, позволил осуществить арест.

Инанна засмеялась. Проговорила:

– Ему звонил Антонис. И Вам. Из его звонка министру стало ясно, что шум пойдёт по всей стране.

---

[11] PSP (Policia de Seguranca Publica) – полиция общественной безопасности, занимающаяся контролем правопорядка и предупреждением правонарушений в городах, расследованием малой тяжести преступлений (комм. автора).

Директор кивнул головой. Инанна продолжила:

– Да, да. Этот мой старинный друг. Он вес набрал ещё в те годы, пребывая еврокомиссаром. Как умно скинул он Сибейру с поста, ныне Вами занимаемого. Ведь назначением своим Вы Антонису обязаны. Боитесь ему перечить?

– Нет, просто опасаюсь. И министр также. Этот социалист…

– Да хватит же о нём, надеюсь, мне с прессой нет нужды встречаться?

– Я сейчас выезжаю в студию. Дам публике все пояснения. Позвольте, уверяю Вас, исчерпывающие меры будут обеспечены. Не надо предавать огласке факты по волоките в министерстве. Мне в министры рано. Здесь сначала всё зачистить надо.

– Без вопросов. Но услуга за услугу.

– Во всём внимании, – напрягся Национальный Директор PJ.

– Наслышаны, надеюсь. На маяке обнаружен труп молодого человека. Но отпечатки, ДНК, как ваши установят, будут соответствовать пожилому смотрителю маяка. Не удивляйтесь, омоложение в предсмертный час прошло из-за природной аномалии. Ведь и фрегат пропал…

На лице Директора отразилось изумление. Он даже затаил дыхание, чтобы не нарушить дальнейший разговор. Инанна продолжила:

– Этот смотритель, Эктор, был мне знаком. И вся его история, вся жизнь. Здесь, в гостинице, мне встретился его сын. Он портье. Сегодня мальчик из репортажа понял, кто его отец, ведь они так схожи. Жил с отчимом, который в молодости в лодке веслом нанёс удар отцу мальчишки. Сбросил в море. Но тот выжил. А спустя годы, возвратившись к дому своему, увидел, как его убийца, в саду, играет с малышом. Мальчишка был так счастлив с ним. И рядом с негодяем жена Эктора сияла, на ребёнка глядя. С тоской во взоре. Но печали в ней Эктор не увидел… Боль заслонила его в раз остекленевшие глаза. Отец мальчишки не поднял шума.

Комиссар невольно поправил узел галстука на рубашке, в этот момент он забыл о только что происшедших событиях, касавшихся лично его.

– Представили, прочувствовали, что пережил смотритель в тот момент? Он там рыдал беззвучно, прикрыв лицо руками. И это был удар, который его сломил. Но он её любил, оставил их в покое. Прикинулся больным, полиции сказал, что не помнит, как всё происходило в океане. Да и посчитал, что сын возможно и не от него. Вот только всё это в дневнике его. Рукопись – серьёзный труд, трагедия с генезисом его отречения от мира жизни и живых.

Директор молчал.

– Ваши при осмотре дневник не обнаружат. Он вне маяка. Завтра отвлекитесь от дел домашних сами и повторно организуйте там осмотр. После того, как установят необъяснимый факт омоложения, в Вас может же проснуться личный интерес к такому делу? Из тайника в скале дневник тот извлеките. Схема здесь.

Инанна протянула Директору конверт.

Тот молча взял, пытаясь пытливым и в тоже время обескураженным взглядом проникнуть в сознание Инанны.

Та продолжила:

– Всё дело в том, что Эктор предчувствовал свою кончину и отправил открытку с описанием места тайника мальчишке. Неверно поступил. Мы должны исправить это. Ведь сегодня мальчик узнал, кто его отец. А конверт получит после рождества. Так вот, в тайник вложите вот этот счёт на предъявителя. Если не исполните мою просьбу, мальчишка вместо счёта, дневник найдёт и, прочитав, отчима убьёт, а сам с маяка сорвётся в океан.

– Безусловно, утром буду там, – поглощённый своими мыслями, вступил в разговор Директор. – Я всё исправлю, но что делать с дневником?

– У вас супруга весьма талантлива. Используя дневник, пусть напишет книгу. События, вот только, в какой-нибудь стране Востока. Ей полезно будет их традиции узнать, добавить колорит. А дневник затем порвите и страницы развейте в океане, далеко от берега.

Директор достал счёт и вложил, не глядя, в портмоне. Посмотрел в пустоту конверта. В сознании вырисовался маяк, скала и трещина в ней со вставленным гранитным брусом. Недоумённо взглянул на Инанну.

– Так именно и есть. Узрели. Брус одолеете без особого труда. Что-нибудь ещё? Хотите уточнить? – поинтересовалась Инанна.

– Вы та и есть, которой неверно задавать вопросы, – задумчиво проговорил Директор.

– Спасибо, друг, я отвлеклась довольно сильно от дел, – проговорила богиня.

– Мальчик будет счастлив, я позабочусь, под крыло возьму, – уже выходя, не оборачиваясь, бросил напоследок Директор.

Инанна прошла в спальню. На кровати недвижно лежало тело дамы. Присела рядом, провела по волосам.

– Перешла сюда. Перед концом своим открылось зрение? Прозрела… Отвергла окончательно свои миры… Но мне с тобою ещё встречаться и встречаться. Ведь ты сейчас всё там, в шестнадцатом столетии…

Через несколько минут в номере появился, вызванный ей администратор и уже знакомый ей портье.

– Всё исполнил по могиле?

– Да, но услышал вновь Ваш зов, – ответил портье. – И смотритель маяка? Новая сенсация: он молод стал перед смертью и так похож… Он копия…

– Да, он твой отец. Но Эктор сомневался в этом и не мог преодолеть боль сердца. А на маяке прикормил юнца-шакала. Лелеял словно сына. Но его вины я в этом, повторюсь, особо и не вижу. От наследства не отрекайся. Иначе наложу проклятье.

Парень заплакал. Инанна грозно указала:

– Довольно! Подайте ужин этой даме. Она не умерла. Идите же!

Анна приоткрыла глаза. Проговорила с усмешкой:

– Внимаю. И?

– Посетишь могилу, а затем – в Москву, через Стамбул и Тегеран.

– А как с последним днём? Ведь сегодня выходит время. И я откланяться готова. Ты только что, в том номере, вселив в мой призрак плоть, твердила мне, что сегодня же я уйду навеки в землю. Пять веков минуло. Я готова. Помянешь только хересом, не портвейном, – с иронией возразила Анна.

– Не время и не место умирать. Ты ведь в этой жизни из России… Повезло, там сам Бог решает, а не я. Всё, без дальнейших прений.

Сестра Инанны

Эйн, юная сестра Инанны, в золотом прозрачном коротком платьице, обняв руками впитавшие золото солнца коленки, сидела на берегу бирюзового залива. С лёгкой, несколько печальной улыбкой смотрела на малюсеньких, косолапых черепашек с вытянутыми шейками, которые, расколов изнутри белые скорлупки, в предрассветной мгле заковыляли к накатывающимся на песок игривым, пенным волнам.

Под первым порывом лёгкого морского бриза тёплый тропический воздух пришёл в движение, потревожив непроходимые, дикие джунгли. Те сначала недовольно ответили шелестом, затем возбуждённо зашумели. По тропикам разнеслось многоголосое птичье песнопение. Природа пробуждалась.

Ветерок, заиграв и в лёгких золотистых волосах Эйн, приподнял их шёлк, легонько защекотал ей шею. Покрутив головой, засмеявшись в ответ на его проказы, девчонка закинула голову назад и, прикрыв большие голубые глаза, подставила лицо со своим милым курносым носиком под его нежные дуновения. Тонким, звонким голоском проронила:

– Ласкай, ласкай, не прогоню. Ведь невинен, не обманешь и не предашь.

Вздохнув, взяла горсть песка и стала пропускать его меж пальцев. Глядя, как ветер подхватил и разносит песчинки, с грустью завершила:

– Мой милый, нежный бриз, мой молчаливый спутник, лишь ты один ничего не просишь за свою любовь.

На волнах заиграл отсвет первых солнечных лучей. Богиня с лёгкостью вскочила на стройные ножки и игриво, поднимая брызги, помчалась по мелководью в океан, выкрикивая:

– Долой хандру, Эйн, ты ведь сильна!

Оттолкнулась и нырнула. Без брызг вошла в синюю стихию.

Прошла по дну средь разноцветных коралловых садов

Прошла по дну средь разноцветных коралловых садов, затем заскользила, уходя в глубину. На ярком ровном дне нашла большую круглую дыру, пугающую своим чернильным цветом. Вниз ногами вошла в неё, начав погружение глубь бездны.

Богиню окружила темень, безмолвие. Пришло давление. Но ей всё было мало. Эйн резко делала гребки, толкая воду вверх. Один, другой и тело послушно, быстро уходило вниз и вниз, где жизни нет. Акула осталась наверху, кружа чёрной тенью в голубом просвете.

Изо дня в день, из раза в раз Эйн опускалась в падину на сотни метров, оттуда глядела в небо на бледный ореол из солнечного света.

«Темень – то, чем наполнена моя душа, а тот далёкий блёклый свет – моя надежда. Ведь Дейв вернётся… Но с каждым разом я погружаюсь глубже, глубже и меркнет свет, – пронеслось в её сознании. – А если я достигну дна? Свет исчезнет? И вера…».

С этой мыслью Эйн зависла в бездне. Осмотрелась, чернь явилась ей отвратной чёрною медузой, которая вот-вот очнётся, устремится вверх и напрочь там закроет её окно надежды. Быстро пошла вверх, ведь богиням не угрожает кессонная болезнь.

Выйдя в светлый подводный мир из впадины, увидела, как акула, выплыв из-за рифа, устремилась к ней, по ходу заглатывая рыб.

«Отвратно видеть! – в мыслях фыркнула богиня. – Как Дейву в голову пришло обзавестись ей? Изваял под себя чудовище. Акулу, не дельфина. Дейв, твой гений – источник зарожденья зла».

Акула тут же под хвостом ощутила кипяток: Эйн слегка проявила раздражение. Спасаясь, тварь устремилась из лагуны в открытый океан. Но под брюхом так и жгло. Богиня злобно улыбнулась вслед. Издеваясь над акулой – мстила Дейву.

Через минуту Эйн шла по мелководью к берегу со скисшим настроением… Оно, так вдруг, взяло и забродило, ведь переходный возраст был и не в таком далёком прошлом. Ох, эти отголоски…

«Сколько можно ждать, терпеть? – уже раздражённо думала она. – Это ощущение неполноценной… Сестра – Вселенная, её материя, энергия и великий разум! А я?»

Приостановилась, зло пнула волну. Сбросив негатив, в более спокойном состоянии, развернулась к горизонту. Ввысь бросила:

– Отец! Я выросла! Успешно правлю в семнадцати галактиках! Проверь на полную дееспособность и дай ещё одну – последнюю. Я докажу, что готова стать Вселенной.

Не получив ответа, топнула ногой, затем подняла отставшую черепашку, с трудом преодолевающую путь к морю. Поднесла к глазам, обратилась к ней:

– Вот-вот. Я такая же, как ты. Вылупилась, барахтаюсь в песке! И Отец про меня забыл. Не видит унижений.

Опять подняла голову к небу, обратилась к Господу:

– У Дейва, на его Земле, в ходу монеты были. Отец, он – язва. Заявил мне как-то, что мы с Инанной – две царицы. В моей казне семнадцать золотых, а у неё – копи в бесконечность уходящие! Ржал, словно жеребец. Отец, я голая принцесса? Он так сказал! Меня заело!

Опять посмотрев на черепашку, швырнула её далеко в море, выкрикнув ей вслед:

– Живи! Да и покажи ещё своей родне, на что способна. А я созрела, чтобы поставить сестру на место. Для меня Бог создаст новую Вселенную. Я ей и буду. А сестрица пусть давится своим величием, но только без меня!

Подхватила кокос, пробила пальцем дырку. Высоко подняв над собой плод, испила из вырвавшейся чистой струи. Прохладная влага несколько остудила пыл красотки.

Мысли потекли в более мирном русле:

«Было бы достаточно и семнадцати. Только за своей границей я – не хозяйка. Дейв где-то там, за моим забором, во владениях сестрицы. Не заглянуть туда: она мне сразу ладошкой по лицу. Да и у себя я… Под патронажем».

С этим и поплелась вглубь острова. На ходу прошептала:

– Дейв скулил перед прорывом… Вселенную ему давай, а Инанну – к чёрту. Но ведь мне она сестра. Скорей всего допрыгался…

Среди диковинных зарослей из распустившихся лиловых орхидей, нависающих лиан и глубоких мхов, в многоголосии пробудившейся природы вышла к небольшому озеру, окружённому отвесными скалами. Стала наблюдать за непрошеной гостьей, ставшей на передние

лапы и заглядывающей в открытое окно хижины. Чёрная пантера, почуявшая приближение хозяйки домика, оглянулась на неё и ничего лучше не придумала, как запрыгнуть вовнутрь.

Эйн вошла в дом. За задней стеной особняка, выполненной из хрусталя, виднелись высокие горы со снежными шапками. Не успев полюбоваться открывшимся видом, услышала недовольный рык. Пантера развалилась на диване, предупреждая Эйн, что без боя его не покинет. Богиня присела рядом с хищницей.

– Не рычи. Почему Отец оставил меня на попечение? А сам? Где он? Вконец отвернулся от меня? Что во мне не так? Из-за отношений с Дейвом? Мол богиня не пара Наместнику из смертных… Или проверяет на терпение через страдания? А сам втихую новый мир создаёт. Для меня…

Чуть веселее посмотрев на пантеру, с ехидством добавила:

– Отец мне как-то сообщил, что после того, как успешно управлюсь с восемнадцатью галактиками, я выйду из-под опеки. Он перенесёт меня в другое измерение. Там я стану такой же, как Инанна – бесконечной, вечной!

Пантера потянулась, открыла пасть и зевнула. Всем своим видом показывая, что ей эта тема давно набила оскомину.

Эйн же, прикусив нижнюю губку, подсела к ней и стала гладить. Та замурлыкала.

– Тупая Кошка! Мне тошно, а ты… – схватив зверя за щёки и приблизив лицо к её морде, процедила Эйн. – Ведь я эту планету создала для Дейва. А принимаю клона! Что же с Дейвом?

Со вздохом поднялась с дивана. Вновь обратилась к пантере:

– Пойдём на берег, погуляем. Не могу здесь находиться. Дурные мысли. Приоденусь…

Вновь очутившись у океана, вместе с пантерой наблюдала за восходом

Вновь очутившись у океана, вместе с пантерой наблюдала за восходом. Кошке было приятно общение с юной богиней. В глубине души зверю было жаль её: ветреную, слишком рано познавшую мужчину во всей его ипостаси. Пантера присела рядом, касаясь головой бедра своей повелительницы.

Ветерок стих, наступил полный штиль. Солнце уже во всю силу ударило яркими лучами по зеркалу океана. Казалось, в эту идеальную гладь смотрится всё мироздание. Метрах в ста

от берега морской глянец вспорол острый клин. На дикой скорости, всё ещё не пришедшая в себя после горячей ванны акула, шла вдоль береговой линии.

– Кошка, плавник этой пакости вспорол брюхо морю, как Дейв мою душу! – вытянув руку вперёд, процедила богиня.

Пантера встала на задние лапы, положила передние на плечи Эйн и прижала голову к её груди. Затем лизнула ей шею, подбородок. Богиня, горько усмехнувшись, аккуратно отстранила Кошку и продолжила:

– Разума в тебе побольше, чем в подобных тварях на Земле. Скажи мне, Кошка, почему мой Дейв устремился на Землю?

Пантера отвернула голову и с тоской посмотрела на океан. Она частенько бывала ранее на той голубой планете. И ей то не знать, почему бывший смертный пренебрёг запретом и бросился туда, словно в омут.

Эйн, не дождавшись ответа, присела, затем улеглась животом вниз на песок. Лёжа, подперев подбородок руками, задумчиво стала наблюдать за океаном. Внезапно негромко заговорила:

– Как-то Инанна сообщила мне, что у меня появился сосед – Наместник. Она его окрестила Дейвом. Он из смертных. На Земле при жизни был царём-тираном. Но в потоп он спас народ, заранее создав подводный город. Сам затем погиб. Предупредила: неоднозначный тип.

С этими словами развернулась набок и продолжила:

– Заявила, что нянчилась с ним долго, выбивая спесь. Вроде б приручила, затем его душу наделила разумом, сравни моему. Дала ему в правление Магеллановы облака. Добавила ещё, ещё. Всего у него больше тридцати галактик. Он обрёл их плоть, энергию. Я росла в то время, управляя мелочью. Желаешь знать, что было дальше?

Здесь Кошка сделала вид, что слышит эти откровения впервые. Заинтересованно посмотрела на Эйн. Толкнула богиню в бок лапой. Эйн, горько усмехнувшись, продолжила:

– Меня дико раздирало любопытство. Неоднозначный тип? Каков? Ведь я взрослела никого не зная, как в сфере, окружённая лишь заботами сестры. А тут, сосед! Меж нами лежало тёмное пространство. Небольшое. Этот Дейв, по поручению сестры, давал мне онлайн уроки о природе, коварстве душ землян. Ему-то и не знать, какие подлецы там обитают! А он сам из героев, неоднозначных, но всё равно средь остальных был белою вороной.

Задумалась. Затем продолжила:

– А Инанна как-то заявила, что у него случился рецидив. Что он теперь не белая ворона, а чёрный ворон, как все там. Рекомендовала прекратить общение. Может и права была…

Вскочила и заорала на пантеру:

– Но я его люблю!

Схватила горсть песка и швырнула зверю в морду, затем плюхнулась на спину. Замолчала.

Пантера гордо поднялась и направилась к черте прибоя. Акула резко ушла от берега, не перенося на дух зеленоглазую, способную, как и богиня, взглядом вскипятить воды у неё под носом.

– Да ладно, Кошка, ко мне! И слушай дальше! Ведь ты появилась здесь совсем недавно. Подарочек сестры, иди же, – крикнула, приподнимаясь на локте, Эйн.

Пантера не спешила, симулируя обиду. Затем всё же подошла, улёгшись рядом, к богине задом.

Эйн скривила рожу, но продолжила:

– Что с них, с онлайн уроков? Меня вживую повлекло к нему. Захотела дотянуться. Остановила сброс своей материи в дыру. Размер мой увеличился. И о боже, я увидела, что он тоже в рост пошёл! Ух, как понесло его!

Эйн, широко раскрыв глаза, вскочила. Вся поглощённая воспоминаниями, продолжила:

– Его галактики, преодолев тёмное пространство, вошли в соприкосновение со мной. Повторю, на соседние ко мне скопления Инанна никогда не назначала Наместников. Правила сама.

«Во врёт! Реально же, все соседи отвернулись. Достала их высокомерием и чванством!» – мысленно опровергла богиню пантера.

Эйн же продолжала:

– Всё моё окружение – моя сестра. И вдруг, его прикосновение! Оно было столь… Меня пронзило! Я потеряла свой рассудок! Сливаясь с ним, лишь уловила, как тает, плавится сознание и приходит что-то…

Эйн замерла. Прервала дыхание, развернула голову к пантере и выкрикнула:

– И знаешь, что было дальше? Удар! Моя сестричка рассекла нас по границам, прервав всю близость! И что она мне не внушала… Она орала, что он поглотил б меня! Что я б исчезла! А затем она б его убила! Её нравоучения длились вечность!

Лежащая пантера вскочила, села и нетерпеливо застучала передними лапами по песку, требуя продолжения повествования. Эйн зашептала:

– Мы не сдались. Аватары! Избрали этот способ встреч. Ведь он учил меня земным делам. О том, каков реальный мир на той планете! Однако о себе он не болтал. Типа, там не принято о личном прошлом. Я создала для него у себя внутри планету эту. Как он был рад сюрпризу!..

Пантера вопросительно заглянула в глаза Эйн.

На это юная богиня ответила:

– Как отнеслась Инанна? Мы уже не гнали галактики друг к другу, а виделись, как заведено у смертных, тайно. Чтоб публика не знала, чтоб не порочить честь сестры. Да и не замарать свою. Пьянящая любовь двух аватаров, а разум в стороне! Предъявить нам со стороны Инанны особо было нечего! Сознания своего в аватар я лишь часть вселяла. Как сейчас, для неги. Остальное так и наполняло мои галактики. Уж даже такое запретить? Так это было б верхом деспотизма! Тем более, что не я, а Дейв весь разум свой из галактик в аватар вгонял. Не я.

Эйн остановилась, тон резко изменился:

– Дейв поначалу просил, а затем и требовал образ той самой амазонки с кожей бронзовой до медной красноты. У неё овал лица сужался резко к подбородку, и огромные раскосые глаза извергали дикость. Роговица, как ядом, была наполнена ярчайшей зеленью. И в этом аватаре я смеялась громко, зло, рождая демонов.

Богиня задумчиво покачала из стороны в сторону головой. Прошептала:

– Нет, нет, это не моя природа. Тот образ больше не приму. Даже если станет на колени… Инанна, таковой меня увидев, взяла за ниспадающие на плечи, сизой чернью отливающие пряди. Притянув к себе, прошептала:

– Дейв навязал? Ты реально влипла! Ожидай дурного, или брось его!

Эйн подошла к морской глади и стала рассматривать в отражении свой лик. Задумчиво проронила.

– Из всех образов Дейв требовал всё больше тот: той амазонки. Навязывал мне его всё чаще. А мне не нравились те огромные, раскосые, зелёные глаза и кожа… Меди цвет. Инанна, возможно, была права. Разве он смеет диктовать, какой мне быть? И тот скандал…

Прервав повествование, Эйн вновь взволнованно и нервно заходила по берегу. Жестикулируя руками, вернулась к разговору:

– Кошка, однажды, он внезапно, без приглашения, появился в хижине. Отстранил меня и гневно завопил, что обустроил все свои галактики, что скукота пришла, необходим простор, желает получить ещё! Я стала успокаивать. Он зверем зарычал! А затем…

Юная богиня прервала монолог, вскочила. Сбросила одежды, оставив купальник на себе. Приложила ладонь к губам, выкрикнула:

– Лёгок на помине. Но не он, как жаль. Всего лишь клон его, воссозданный сестрицей. Стучится в мои галактики. Впущу!!!

Кошка смотрела вслед Эйн, бросившейся навстречу двойнику Дейва. Тот появился вдалеке на берегу. Кошка засмотрелась…

«Как великолепен, – думала пантера. – Взгляд не оторвать. Бежит… Движения плавны, как при замедленном просмотре. Играет платиной натянутых струн-мышц. Строен, словно арабский жеребец. Каков отлив лучей от тела под светом солнца! И голубой блеск глаз гасит отсвет океана. Волосы – колосья из пшеницы, а золото лица, а улыбка с перламутром… Ах, что тот Давид от Микеланджело в сравнении с ним!»

Однако, при этом на загривке зверя приподнялась шерсть, нервно застучал по песку кончик хвоста. Осклабившись, пантера тихо рыкнула:

– Жаль, что нельзя ему глотку разорвать: Инанна превратит меня в гиену. И так приходится таскать кошачью шкуру.

Эйн тем временем вприпрыжку достигла прототипа Дейва. Метнулась к нему на грудь. Он уклонился и поймал её на одну руку. Привлёк к себе, поцеловал мягко в губы и резко отстранив, удерживая на своём предплечье, раскрутился, желая метнуть её как диск, или ядро.

Богиня звонко закричала, а он, не обращая внимания на вопль, бросил ввысь её, над океаном.

Она летела, пронзая облака, а ближе к горизонту началось падение. Кошка прищурилась, наблюдая её вход в воду.

Эйн тут же вынырнула и с одного толчка от зеркала воды вскочила на пенный гребень гигантской, закрученной волны. Подставив ветру тело цвета янтаря, в голубом купальнике, она, вся, вытянувшись и наклонившись вперёд, неслась к клону Дейва, являя грозный, новый лик богини. Но не той дикарки с зелёными глазами, а лучезарной, светлой дивы.

Кошка бросилась в чащобу, такие игры явно были не по ней. Заскочив на дерево, наблюдала, как огромная волна взошла на берег. Дейв разогнался и в прыжке пронзил её, тут же выплыв возле Эйн. Поднявшись на гребень, прижался грудью к спине богини, положив руки ей на живот и грудь. И моментально всё застыло. Гребень стал хрустально-синим, не дойдя до первых пальм. Пантера с облегчением вздохнула.

Юная богиня развернулась в объятиях любимого, поднялась на цыпочки и припала к его губам. Чуть погодя, с улыбкой зашептала:

– У меня для тебя сюрприз.

– Ты и есть сюрприз? Уединимся в хижине? – подмигнув, предположил двойник.

– Не рассчитывай… Пока я не созрела, когда-нибудь, попозже.

– Почему ты так боишься? Поменяешь аватар и, в подводном гроте мы…

– Нет же! Я создала ещё одну планету, быстрее, увидь её! – смеясь, схватив прототипа за руку и вознёсшись над хрусталём волны, призвала Эйн двойника следовать за ней.

Прошло лишь одно мгновение, а они уже в других мирах.

– Я назвала её планетой Эйн. В честь себя. Эгоисткой стала, – минуя звезду и приближаясь к алой, покрытой полупрозрачной мембраной огромной планете-сфере, с гордыней отчиталась юная богиня.

– Наконец-то, повзрослела. Дошло, что прежде всего надо ублажать, превозносить себя, а не старшую сестру. Планета, в этом весь сюрприз?

– Увидишь! Пробьём поверхность, словно вирус! – в ответ засмеялась Эйн.

Устремившись вперёд, они в полёте прошили насквозь мембрану живой, огромной планеты-клетки. Внутри, в прозрачной, вязкой, с лёгкой синевой воде, движение замедлилось.

Клон Дейва, плавно опускаясь в ней, словно в невесомости, с удивлением спросил:

– К чему всё это?

Эйн улыбнулась и вокруг вспыхнули пастельные тона. Огромные, весенние цветы мягкой акварели рождались рядом с ними, прохладной свежестью ласкали их тела и исчезали. Но тут же являлись новые: прекраснее, ещё нежнее, слаще в запахе и в их ощущении.

Прислонив лицо к сиреневой анютке, размером с розу, богиня вдруг взгрустнула, с губ сошла улыбка. Заговорила тихо:

– Здесь нас никто не слышит.

– Свидание, да и без надзора твоей сестры, какая дерзость, – рассматривая цветы, с сарказмом резко ответил клон.

– Они рождаются и живут мгновение, затем уходят, уступая место новым. Как люди на планете, где впервые появился ты. Тоскуешь по родным краям?

Двойник с удивлением и изучающе посмотрел на Эйн. Встревоженно спросил:

– Впервые вижу тебя такой. И вопрос… Что произошло?

Эйн напряглась и сжала губы. В мгновение мембрана планеты стала серой, цветы и субстанция исчезли. Притяжение понесло пришельцев к скалам. Пришли и резкие порывы ветра.

Они стояли на каменистом берегу. Накатывали волны, предвещающие шторм.

Эйн преобразилась внешне. Её длинный волос, в контрасте шторму, вдруг взошёл до золотого блеска, и лёгкое приталенное платье пронизали нити злата. Она застыла, глядя в океан через большой овал-пролом в скале, стоящей напротив в водах.

Двойник Дейва, ничего не понимая, крутя головой, настороженно стал озирался. Затем дёрнул Эйн за руку. С жестью в голосе спросил:

– Что за фокусы?

– Под настроение, – тихо ответила Эйн, так и продолжая смотреть в море. – Открою тайну, я к себе в постель впустила Дейва, я с ним спала.

Клон замер в шоке, не в состоянии понять. Затем зашёл и встал перед ней лицом к лицу. Заглянув в глаза и выдавив смешок, произнёс:

– Не полагал, что и для богинь психушка актуальна. Мы лишь обменялись парой поцелуев. Не раз, конечно. А! Ты грезила?

Эйн взорвалась надрывным смехом. Зло смотря ему в глаза, бросила с издёвкой:

– Дейв спал со мной, а ты обошёлся поцелуями. Ты мерзок мне, больше не могу…

Двойник почувствовал недоброе.

«Больна? Кто, богиня? Не может быть, – пронеслось у него в голове. – Желает приклеить то, чего не делал? Нет же, она меня принимает за другого… Вроде бы я – не я, а кто-то третий…».

Эйн прервала его мысли:

– Дейв от меня свалил. А ты – клон! Хотя, неверно…

– Что за шутки? Чушь не гони! Что я тебе дурного сделал? – всё ещё с надеждой успокоить и привести в чувство Эйн, прервал её двойник, отступая от неё на шаг и чуть в сторону.

Она впилась взглядом в его глаза. С хрипом заговорила:

– Боже! Что я творю. Ведь я тебя убью тем самым!

Зарыдав, присела на корточки и закрыла лицо руками. Ветер усилился, волны ожесточённо стали терзать скалы.

Двойник не осмеливался подойти к богине, боясь спровоцировать у неё припадок ярости. Развернулся в сторону океана, с каменным выражением на побагровевшем лице стал всматриваться в несуществующий горизонт.

– Повернись ко мне, – через какое-то время потребовала Эйн.

Клон развернулся, пытаясь натянуть на лицо улыбку, всё ещё полагая, что у девочки припадок. Наклонил тело, чтобы приблизиться к ней.

– Стоять! – заорала Эйн. – Нет, ты не клон. Инанна клонировала душу Дейва. В тебе всё от Дейва: память, чувства, эмоции и тело, цели, которых Дейв желал достичь. Ты копия его

души. Лишь до того момента, как мы галактиками устремились навстречу. Всего лишь слепок с его души.

– С ума сошла! – зло бросил клон.

Эйн с ненавистью парировала:

– Повторяю – слепок его души. Правда ли, что ты с утра узнал о моей семнадцатой галактике? Я, как и от Дейва, скрывала от тебя её. И чтобы не проколоться, сама себе твердила, что их всего шестнадцать. Сегодня её я засветила перед тобой. А Отец давно мне дал её.

– Бог с тобой! Получила раньше, ну и ладно! Всё дело в этом? Скрывала, ну и скрывала, – с облегчением произнёс двойник.

– Не-е-т! – протянула Эйн. – Ты узнал и, как Дейв, решил ускорить ход событий. Ведь восемнадцатую, как только получу, я обрету Вселенную. Мою! А ты останешься никем, всего лишь Наместником. Тебя терзало это!

Двойник попытался что-то сказать, но Эйн вновь заорала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.